

Логово скорпиона

Автор:

[Наталья Александрова](#)

Логово скорпиона

Наталья Николаевна Александрова

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Выйти замуж за богатого иностранца – большая удача...

Марина тоже так считала и, воспользовавшись услугами брачного агентства, вместе с маленькой дочкой уехала во Францию.

Прошел год, и ее сестра Рита забила тревогу: от Марины нет никаких вестей, а все женщины, которым «помогло» это агентство, также бесследно исчезли.

Рита не сдается, хотя с ней самой начинают происходить странные события.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но на помощь девушке пришла детектив-любитель Надежда Лебедева...

Наталья Александрова

Логово скорпиона

Женщина проснулась, но долго не открывала глаза. А вдруг – думала она – весь кошмар предыдущих дней приснился, померещился ей, и сейчас она окажется в двухместном гостиничном номере на Лазурном берегу... Да черт с ним, с Лазурным берегом! Она рада была бы проснуться в своей захламленной

коммуналке на Лермонтовском проспекте... Но увы, действительность была куда мрачнее, и, даже не открывая глаз, она знала, где находится. Об этом говорили запахи и звуки – запах ржавого металла, сырого дерева, запах человеческого страдания; звук гулко лязгающих металлических дверей, звук тяжелых шагов, плеск воды, ровный гул работающего мотора. И еще качка – ровная, бесконечная, изматывающая... Но именно благодаря качке женщина смогла заснуть и забыть на какое-то время ужас своего положения. На какое-то время... Она даже не знала, сколько она проспала, не знала, сколько сейчас времени, не знала, какой сейчас день и даже день сейчас или ночь... Она смутно припоминала только, что сейчас лето.

Женщина открыла глаза и рывком села на железной койке. При этом она ударилась головой о потолок своей камеры – или своей каюты, или своей собачьей будки. Именно на собачью будку было похоже это помещение своими размерами. Но в отличие от будки все здесь было железным – пол, стены, потолок. И эта качка, эта ужасная, сводящая с ума качка...

– Дайте воды! – закричала женщина. – Дайте умыться! Дайте зеркало! Выпустите меня, сволочи!

За железной дверью послышались шаги.

– Опять она кричит, – с неодобрительным удивлением сказал низкий голос с сильным акцентом – должно быть, тот араб со сросшимися бровями и синеватой от бритья кожей, который нес три дня назад ранним утром ее чемоданы по набережной в Антибе, любезно улыбаясь и заглядывая в глаза с преданностью воспитанной собаки.

Как страшно он изменился, стоило катеру выйти в открытое море!

– Опять она кричит, – недовольно повторил араб, – она мне очень надоела. Скажи ей, чтобы не кричала.

– Черта с два я буду ей что-нибудь говорить! – пробурчал в ответ второй голос, принадлежавший, безусловно, месье Полю, как представился ей рыжий здоровяк, соотечественник, усиленно изображавший француза. – Пускай она там орет, хоть глотку себе сорвет.

- Она мне очень надоела, - со злобной настойчивостью повторил араб.

- Потерпишь! - раздраженно выкрикнул Поль. - Дауд за нее заплатит!

- Э! Вряд ли Дауд за нее заплатит, - протянул араб с наглой растяжкой в голосе, - она страшный, как шайтан.

Несмотря на ужас своего положения, несмотря на унижения и страдания последних дней, женщина обиделась.

- Сволочи! - заорала она с новой силой. - Выпустите меня немедленно! Я имею право встретиться с посланцем!

- Ну до чьего же она мне надоела, - тоскливо пробормотал араб, - давай убьем ее, Дауд все равно за нее не заплатит! Она только принесет это... как по-вашему... неудача... а у нас груз...

Женщина почувствовала, как в жаркой духоте железной тюрьмы ее пронизал озноб. Она замолчала, забралась с ногами на койку и сжалась в комок... Жизнь, даже такая ужасная, была по-прежнему дорога ей, она цеплялась за нее и готова была к новым унижениям и страданиям, только бы остаться в живых.

- Ну вот видишь, - миролюбиво произнес Поль, - она замолчала. Ты доволен?

- Нэт! - решительно и зло рявкнул араб. - Я нэдоволен! Она мне очень надоела. Даже когда не кричит. А если придет береговая охрана?

- Ладно, - покладисто проговорил Поль, - давай переведем ее в четвертый отсек.

Араб неожиданно обрадовался. Он засмеялся неприятным булькающим смехом и, отсмеявшись, сказал:

- Хорошо. В четвертый отсек. Мне нравится четвертый отсек.

Железная дверь лязгнула, и в камеру проник слабый разреженный свет. Женщина съежилась на койке, она не хотела покинуть свое временное пристанище. Как ни плохо здесь было, но загадочные слова «четвертый отсек»

пугали ее еще больше, а особенно страшен показался ей булькающий смех араба и его злобная радость.

– Не хочу! – взвизгнула она, когда сильные мужские руки сдернули ее с койки. – Не хочу в четвертый отсек!

– Нэт, она мне оччень надоела, – грустно сказал араб и жестоким пинком вытолкнул женщину в коридор, дохнув на нее густым запахом дешевого вина и чеснока.

Замолчав от страха, почти ничего не видя и не слыша, женщина шла туда, куда вели ее мучители, – по узкому коридорчику, затем вниз по железной лестнице... Куда еще вниз? Они и так были под палубой... Но вот ее втолкнули в крошечное помещение, еще более тесное, чем прежде, и за ней закрылась не дверь, как раньше, а круглая крышка люка, и потом эту крышку наглухо завинтили. Здесь, в четвертом отсеке, она едва могла повернуться... Да и что было поворачиваться, вокруг была только темнота, влажная жаркая темнота. И какой-то странный звук... Она прислушалась. Это было журчание льющейся воды.

И эта вода была уже у нее под ногами... она поднялась ей до щиколоток... вот уже до колен...

Женщина все поняла. Она не стала кричать, не стала биться в стены или в люк. Это было бесполезно. Вода поднималась и поднималась, неотвратно, как сама смерть. Впрочем, вода и была смертью. Сначала женщина присела на корточки – она так устала, ноги ее не держали. Но очень скоро вода поднялась так высоко, что женщина едва не захлебнулась. Тогда она встала, чтобы выиграть у этого необратимо надвигающегося хотя бы несколько минут. Вода была ей уже по грудь... по горло...

Женщина поднялась на цыпочки, чтобы успеть вдохнуть еще один глоток воздуха, еще один глоток жизни. Но потолок в четвертом отсеке был очень низко, она уперлась в него головой. Дальше отступать было некуда. Она вдохнула воздух последний раз. По ее щекам текли слезы, но вода поднялась еще выше, и слезы растворились в ней.

Часть первая

Сыр в мышеловке

Лифт, конечно, не работал. Нужно было пешком тащиться с тяжеленными сумками на шестой этаж. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения. Рита поднималась по лестнице, последними словами костеря своего единственного племянничка. Ведь она послала ему телеграмму. Просила встретиться... И сорок минут как дура проторчала на вокзале, все надеялась, что Сережка наконец появится. Ну, устроит она ему трепку!

Вот наконец и сто тридцать вторая квартира. Из-за двери доносились оглушительные звуки музыки (если, конечно, это можно было назвать музыкой).

Рита еще больше разозлилась и нажала на звонок, решив не отпускать его, пока ей не откроют.

Впрочем, открыли на удивление быстро. В дверях стоял очень противный и толстый парень с длинными сальными волосами и маленькими глазками, лишенными всякого выражения.

– Ты кто? – спросил длинноволосый, оглядев Риту с ног до головы липким и наглым взглядом. – Я думал, это Ленка с пойлом вернулась.

– А ты кто? – агрессивно передразнила Рита незнакомца, решительно шагнув внутрь квартиры и втащив за собой проклятые неподъемные сумки. – И где Сережа?

– Сомик, с кем это ты здесь любезничаешь? – Из мутной полутьмы выплыла девица с рыжими распущенными волосами, одетая в одну ковбойскую рубашу с чужого плеча, и повисла на черноволосом. – Это еще что за мымра притащилась?

– Где Сережа?! – рявкнула Рита, постаравшись одновременно обжечь рыжую взглядом и вместе с тем показать, что она ее вовсе не замечает.

Это трудное сочетание почти удалось ей. Отпихнув слегка растерявшуюся парочку плечом, она прорвалась внутрь вражеской территории, где табачный

дым, оглушительный рев акустической системы, пары алкоголя и еще чего-то незнакомого, но невыразимо отталкивающего создавали явно опасную для жизни комбинацию. В комнате было достаточно людно. Большинство присутствующих возлежали на ковре либо в полубессознательном, либо в совершенно бессознательном состоянии. Те, кто еще был в состоянии передвигаться, курили какую-то сладковато пахнущую дрянь, чтобы поскорее догнать своих более торопливых друзей, или, разбившись на парочки, стремились к блаженству другой дорогой.

«Ну и бардак», – подумала Рита, она не любила употреблять непристойных слов, но в данном случае просто констатировала факт. И тут же она жутко разозлилась.

– А ну валите все отсюда к чертовой матери сию же секунду! – заорала Рита таким голосом, каким, должно быть, капитаны пиратских кораблей усмиряли взбунтовавшийся экипаж.

Откуда взялся у скромной девушки такой выдающийся голос, осталось тайной для окружающих. Возможно, кто-нибудь из ее предков лет четыреста назад командовал-таки пиратским бригам.

– Чтобы через пять минут духу вашего здесь не было! Сергей, скотина, ты где?

Пиратский голос пронял всех. Зашевелились даже те, кого невнимательный патологоанатом вполне мог посчитать безвременно усопшими. Откуда-то из дальнего угла выбрался Сережка, бледный и трясущийся, и уставился на Риту очумелым взглядом.

– Маргарита, это ты, что ли? – спросил он наконец не веря своим глазам. – Ты откуда взялась? Ты что, приехала, что ли?

– Ах ты, какой догадливый, – саркастически произнесла Рита, осматривая своего единственного племянничка презрительно и сурово. – Ты что же, милый, хочешь сказать, что не получил моей телеграммы? Впрочем, это теперь все равно. Вытряхивай отсюда всю эту кофлу. Малина закрывается на санобработку.

– Сергушечка, – запищала с ковра какая-то сильно и нехорошо пьяная девица с виду младшего школьного возраста, – Сергунчик, это что за шлюха? Она что, к

тебе клинья бьет? Так я ей сейчас глазенки-то выцарапаю!

– Тетка это моя, – пояснил Сергей ситуацию хамским от стеснения тоном, – вы это, ребята, правда валите отсюда... Уж она не отстанет...

– А ты кто такой, чтобы здесь командовать? – зарычал коротко стриженный блондин с сине-красной татуировкой на обнаженных до плеч руках.

– Это его хата, – пояснил блондину кто-то из массовки.

– Ну и что? – Аргумент для блондина был недостаточно веским.

Маргарита вспомнила пару случаев из своей небогатой событиями провинциальной жизни, применила воспоминания на практике – и непонятливый блондин с воплем вылетел в коридор.

– Уберите от меня эту бешеную суку! – закричал он оттуда, обретая дар членораздельной речи.

Видимо, блондин обладал в компании значительным авторитетом, во всяком случае, повторять приглашение не пришлось, и через десять минут все общество покинуло квартиру, подобрав даже тех, кто не мог передвигаться самостоятельно.

– Ну и зараза же ты! – с пьяным пафосом воскликнул Сергей, наблюдая поспешное отступление последних своих друзей. – Ну ты стерва! Моя квартира – кого хочу, того приглашаю. А ты тут никто! Будешь еще свои порядки заводить!

Рита ловко ухватила щуплого племянника за шкуру, как кошка хватает своих котят, проволокла его, невзирая на бешеное сопротивление, в ванную комнату и сунула головой под струю холодной воды. Может быть, ей хотелось его утопить после всего пережитого, но она решила оставить это удовольствие на потом, вытащила голову орущего Сережки из раковины и обмотала махровым полотенцем.

– Стерва! – завопил Сергей с новой силой, обретая дар речи. – Садистка!

– Повторяешься, милый, – спокойно ответила Рита. – И прекрати работать на публику, гости твои уже ушли, – добавила она, вооружаясь веником и начиная планомерную уборку трехкомнатного свинарника.

Через два часа в квартире был не то чтобы порядок, но, во всяком случае, случайно заглянувший сюда старшина сверхсрочной службы не упал бы немедленно в обморок, как студентка первого курса филологического факультета.

Сергей сидел за столом, несколько протрезвевший и несколько присмиривший, пил свежесваренный чай с замечательным провинциальным крыжовенным вареньем, еще тетя Люба его варила, и разговаривал еще не совсем как человек, но уже не так злобно и дергано, как вначале.

– Это что, часто у тебя такие... вечеринки? – поинтересовалась Рита между двумя чашками.

– А тебе-то что? – привычно огрызнулся Сергей. – Ты что, воспитывать меня вздумала? Приехала тут на мою голову, тоже мне воспитательница. Ты сама-то ненамного меня старше... Да вообще-то нечасто. Ну пришли ребята, посидели, музыку послушали...

– Музыку? Музыка – это ничего, это даже хорошо, а как насчет травки? Ты что, уже пристрастился к этой дряни?

– Да отвяжись ты! – Сергей шарахнул кулаком по столу, расплескав свою чашку.

Рита чашку держала в руке и потому не пострадала.

– Отвяжись ты! Ну, попробовал разик, от этого еще наркоманом не делаются.

– Все так говорят, – Рита смотрела на племянника сочувственно и недоверчиво, – как бы поздно не было. Ладно, завтра поговорим, иди спать, ты сейчас все равно не человек.

Он удалился с ворчанием в свою комнату, а Рита тяжело вздохнула и обвела взглядом гору грязной посуды.

Рита плохо спала эту ночь. Она вообще плохо засыпала на новом месте – будь то в поезде или в гостиничном номере. Хоть она безумно устала – сначала от дороги, потом от уборки, – все равно проворочалась несколько часов. Диван, на котором, надо полагать, раньше спала Лялька, был взрослому человеку явно маловат. Чистого пододеяльника Рита не нашла – вообще в ванной была просто неприличная гора грязного белья, – пришлось использовать простыню, и теперь одеяло сомнительной чистоты противно колело подбородок, когда простыня сбивалась. К тому же перед закрытыми глазами стояла грязная посуда – все то количество, которое Рита успела перемыть за полночи.

Задремав под утро, она проснулась от звука заводимой машины за окном. Потом залаяла собака и мужской голос орал: «Гарри, ко мне!» – едва ли не громче собачьего лая. Стучали трамваи на проспекте.

Большой город жил своей жизнью.

Рита взглянула на наручные часы, которые она положила на стул возле дивана. Четверть девятого, пора вставать.

Часы шли исправно, всегда показывали точное время. Еще бы: швейцарские, золотые! Подарок Валерия на прошлый день рождения. Тетя Люба, увидев часы, сказала тогда странно:

– Носи их. Никогда не расставайся. Твоя это вещь, я чувствую. И не продавай никогда, даже если совсем жизнь достанет. – И, заметив Ритин удивленный взгляд, пояснила: – Есть вещи, которые как бы созданы для одного человека, особенно это заметно на драгоценностях. Они вроде бы ищут своего владельца. И если найдут, то счастье ему приносят.

– Ну уж! – усомнилась Рита. – Это все сказки насчет счастья.

– Конечно, – согласилась тетка, – но сама посудите: вот наденет женщина колечко или брошку любимую, сразу у нее настроение лучше становится, она хорошеет, всем улыбается – вот оно, счастье-то... Так что носи часы эти. Я знаю, что говорю.

Это было верно, потому что тетя Люба всю жизнь проработала продавщицей в единственном у них в городе ювелирном магазине. Рита помнит, как девочкой она сидела в подсобке и наблюдала, как тетка и еще одна продавщица, Валечка, разбирают кольца, серьги, брошки. Когда Рита стала постарше, ей разрешали брать все это в руки. Так наигралась, что потеряла к драгоценностям всякий интерес. Никогда ничего не просила ни у тетки, ни потом у Валерия. Он удивлялся, так и не понял ничего. Но вот подарил часы. Тетя Люба по-другому даже стала к нему с тех пор относиться. То есть ничего Рите не говорила, но глядела на Валерия иначе при нечастых встречах.

Рита еще раз посмотрела на часы и поняла, что уже минут двадцать валяется в постели и предается невеселым воспоминаниям. Что-то быстро она стала забывать уроки тети Любы! Говорила же та всегда:

– Ритка, никогда не валяйся в постели. Проснулась – сразу вставай! Если проспала – не жалея времени на сон. Значит, организму нужно было. А вот валяться ни в коем случае нельзя, на всю жизнь разленишься. И плохое никогда не вспоминай, просто отгоняй от себя. Иначе не проживешь.

Рита рывком встала, накинула халатик и прошла на кухню. Нельзя сказать, что ночью она навела там полный порядок, но все же на кухню можно было войти не ужасаясь. Вымытую посуду она вчера оставила на столе, прикрыв полотенцем. Теперь нужно было все убрать, чтобы расчистить место для завтрака.

Кофеварка у Маринки была отличная, марки «Филлипс». Но крышка чуть треснула, это уж наверняка Сережкины приятели постарались. Они же перебили половину хрустальной посуды. Но Рита и не подумает расстраиваться – у нее есть множество более серьезных поводов для расстройства.

Вообще в кухне изначально все было сделано очень красиво – занавески подобраны в тон кафелю, кухонная мебель тоже удачно сочеталась с бытовыми приборами. Да, Маринка умела обустроить свое жилье. Только жизнь свою она устроить не сумела.

Рита тут же устыдилась своих мыслей. Еще один из уроков тети Любы: никогда не критиковать людей за то, чего сама не умеешь. Во-первых, Рита сама пока еще не смогла устроить свою жизнь, а во-вторых, как знать, возможно, именно сейчас Маринка живет неплохо с очередным мужем?

Но что-то подсказывало Рите, что и на этот раз у Маринки не все гладко.

Рита была совсем маленькой – лет шести, – когда ее молодые и беспечные родители, возвращаясь из отпуска, не стали ждать рейсового автобуса, а подсели в попутный грузовик. Мама очень торопилась увидеть Риту. Шел дождь, машину занесло на скользкой дороге, она перевернулась. Водитель долго провалялся в больнице, но выжил. Ритины родители умерли на месте.

Похорон Рита не помнит – ее не взяли, а помнит, как сидели в комнате какие-то тетки в черных платочках, а их мужья толпились на лестнице. Родных со стороны отца было много, но никто не торопился вешать на себя дополнительный хомут в виде шестилетнего ребенка. О детском доме заговорили прямо на поминках – чего тянуть, раз все родственники в сборе.

А на следующий день приехала тетя Люба. Не то ей поздно сообщили, не то что-то там случилось с поездами, но на похороны сестры и ее мужа она не успела. Зато успела к решению вопроса, что делать с Ритой.

– Тут и решать нечего! – сказала тетя Люба, не дослушав сбивчивые резоны родственников, и начала собирать Ритины вещи.

Ритина мама со своей старшей сестрой виделась редко, потому что жили в разных городах, поэтому маленькая Рита тетю Любу помнила смутно. Однако ей сразу понравилось то, что тетка не стала гладить ее по голове и называть сироткой, и еще, тетя Люба не носила черный платок. У нее была обычная прическа – пышно взбитые волосы, крашенные хной. И платье на ней было не черное, а самое обычное, даже, кажется, в цветочек – дело происходило летом.

Родственники отца пытались возражать – исключительно из вредности, как объясняла Рите тетя Люба через много лет. В качестве аргумента они выдвигали тот факт, что тетя Люба никогда не была замужем, но имела дочь. И где, мол, взять силы еще на одного ребенка, и если, не дай Бог, с Любой что случится, то что будет с Риточкой?

Тетя Люба сразу поставила их на место, сказав, что дочери ее уже скоро восемнадцать лет. «Вырастила одну, выращу и другую», – твердо заявила она, и родственники отступили.

На следующий день началось хождение по инстанциям. Нужно было оформлять документы на опеку над Ритой.

- Мне некогда, - сказала тетя Люба в беседе. - Всего на четыре дня с работы отпустили.

- Даже и не думайте! - визгливым голосом заорала в кабинете огромная тетка в сером бронированном костюме. - Это вам не кошка, а ребенок! Одних справок штук двадцать собрать нужно!

Тетя Люба смотрела на нее внимательно и велела Рите выйти из кабинета и подождать в коридоре. Через десять минут ее снова позвали в кабинет, и его бронированная хозяйка была сама любезность. Она глядела масляными глазками и быстро тараторила что-то про документы.

- Мы уезжаем послезавтра, - напомнила тетя Люба, и кабинетная тетка согласилась выслать документы вслед.

Теперь Рита понимает, что тетя Люба тогда просто дала мерзкой тетке взятку. И Ритина судьба была решена. Тетя Люба увезла ее в свой маленький провинциальный город, и прошло девятнадцать лет, прежде чем они расстались. Рита никогда бы не бросила тетку, которая стала ей матерью, но две недели назад тетя Люба умерла.

Рита очнулась от громкого хрюканья кофеварки. Снова она задумывается о плохом. Нужно взять себя в руки.

В Сerezкиной комнате скрипнула дверь, и он возник на пороге - заспанный, лохматый и бледный.

- Ой, - удивился он, - Ритка, ты мне не приснилась? А может, меня глючит?

- Глючит, - передразнила Рита, - я это, настоящая. Тебе кофе налить? Или лучше чаю, а то нехорошо с похмелья-то?

Сerezка громко сглотнул и прислушался к себе.

– Пожалуй, лучше чаю, – неуверенно проговорил он и скрылся в ванной.

– Ритка, ты только не пропадай! – донеслось сквозь шум душа. – Я ужасно рад тебя видеть!

Рита заварила крепкий чай, себе налила кофе. Всегда у них так было: Сережка ей вроде племянник, а жили как брат с сестрой. Когда тетя Люба привезла ее, шестилетнюю, к себе, Маринки уже не было. Она закончила школу и быстренько упорхнула в Санкт-Петербург якобы поступать в институт. Ни в какой институт она, конечно, не поступила, как предсказывала тетя Люба, не те у Маринки были интересы. Зато она выскочила замуж и через год родила Сережку. Через некоторое время Маринка с первым своим мужем развелась и стала присылать Сережку на лето к матери, а поскольку тетя Люба работала, то Сережку воспитывала Рита. С Маринкой они никогда не были близки – редко виделись, двенадцать лет разницы, а с ее сыном всегда были родными, так уж получилось.

Сережка явился из ванной с залезанными мокрыми волосами. Выглядел он гораздо бодрее.

– Слушай, а я бы съел чего-нибудь! – с воодушевлением сообщил он.

Остатки еды Рита еще вчера выбросила в мусоропровод – не стала разбираться, что уже испортилось, а что еще можно употребить в пищу. В холодильнике сиротливо мерзли полпачки масла и четыре яйца. Сережка пошарил за кухонным столом и с торжествующим криком извлек оттуда батон, запаянный в полиэтилен.

– Ну, и сколько лет он там лежит? – скептически прищурилась Рита.

– Обижаешь, начальник! Позавчера он туда провалился, а все уже так надрались, что лень нагибаться было.

Рита вскрыла упаковку и критически обнюхала батон:

– Если тосты сделать...

Через несколько минут яичница, обильно сдобренная перцем, уютно скворчала на сковородке. Подсушенные куски батона выпрыгивали из тостера, как чертики из табакерки.

Сереекка намазывал тосты неприлично толстым слоем масла, запихивал в рот огромные куски яичницы и выглядел совершенно счастливым. Рита выждала некоторое время и начала воспитательную беседу.

- Ты мою телеграмму получил? - строго спросила она.

- Получил... Я, понимаешь, Рит, все время помнил, что тебя нужно встретить, а потом забыл...

- Часто у тебя такое бывает, как вчера? - допрашивала Рита.

- У меня, между прочим, день рождения был, - надулся Сереекка, - восемнадцать лет мне исполнилось, совершеннолетие, между прочим...

- Значит, пьянка эта не вчера началась, - догадалась Рита, - значит, вы уже три дня гуляли! Сереекка, ведь соседи жалуются! Ведь и правда в следующий раз милицию вызовут!

- Да знаю я, все знаю, - вздохнул Сереекка, - только тоска такая...

Рита вдруг с болью отметила, какой он худой. Длинная цыплячья шея жалко торчала из воротника рубашки, он был бледный, и синяки под глазами.

«Восемнадцать лет стукнуло, а все равно мальчишка. Его не воспитывать нужно, а кормить как следует...»

- Ладно, об этом после. Ты хоть помнишь, что бабушка умерла две недели назад?

- Конечно. Когда ты позвонила, я хотел поехать, только денег не было на дорогу... Ты не думай, это все, - он махнул рукой, обозначая вчерашнее, - это ребята организовали, в складчину.

- Слушай, а ты вообще-то на что живешь? Отец деньги дает?

Первый Маринкин муж, отец Сережки, развелся с ней, когда Сережке было года три. Но деньги на сына давал исправно. Причем чем дальше, тем больше. Рита помнит Маринкины рассказы о том, что Сережкин отец оказался деловым, его фирма процветала и что если бы она, Маринка, в свое время могла такое предугадать, то никогда бы с таким мужем не развелась. Тетя Люба тихонько напоминала Рите, что ушел-то муж от Маринки, а не она от него. Вообще все три Маринкиных мужа уходили от нее сами. Но без скандалов и ссор. От третьего у Маринки родилась Лялька. А второго Рита с тетей Любой и не видели никогда – как-то незаметно он пришел и ушел, хорошо, что ребенка не оставил.

Нет, не складывалась у Маринки семейная жизнь, и дело тут не в невезении, а в ней самой. Так считала тетя Люба. И Рита с ней согласилась после того, как Маринка прислала письмо, где сообщала, что и с третьим мужем она развелась. Теперь уже на лето Сережка привозил маленькую Ляльку. Девчонка была такая хорошенькая, что незнакомые люди оглядывались на улице и пытались с ней заговорить. Сама Маринка с детства тоже была хорошенькая и потом очень за собой следила, вот мужики и слетались, как мотыльки на свет. И выглядела всегда моложе своих лет, спокойно могла лет пять убавить, никому бы и в голову не пришло усомниться. Вот в прошлом году это и сослужило ей службу. Когда третий муж ушел, Ляльке четыре года было. Маринка тогда неплохо зарабатывала – на бензоколонке у финнов. Работа, конечно, тяжелая, утомительная, да ведь образования-то у Маринки только десять классов, так что нужно и этому радоваться. Как тетя Люба расстраивалась, что Маринка без образования осталась! «Сама я, – говорила, – всю жизнь в продавщицах, так раньше в торговле другие отношения были, при всеобщем-то дефиците! А сейчас кому нужна простая продавщица? Чуть косо помотришь на начальство – живо тебя выгонят и другую найдут».

Как в воду тетя Люба глядела: дела у финнов что-то не заладились, бензоколонку перекупили и весь персонал уволили. Маринка помаялась без работы. Деньги кончились, и она совсем было пала духом. А после решила вдруг замуж выйти за границу. Кто уж ее надоумил, неизвестно, а только Рита с тетей Любой узнали все, когда дело было сделано. Приезжала Маринка с матерью проститься и Ляльку привезла. Рассказала, что пришло приглашение, какой-то француз откликнулся. И Ляльку он тоже не против взять. Еще бы ему не согласиться, когда Лялька у них прямо ангелочек: глаза голубые огромные, волосы светлые локонами вокруг лица вьются. У самой Маринки волосы тоже хорошие, но гораздо темнее и глаза серые.

Улетели они, и прислала Маринка только одну открытку, что все прекрасно и подробно она напишет позже. Так и не написала. А тетя Люба начала болеть, Сережка тоже почти не писал. И Рите никак нельзя было оставить больную тетку, чтобы съездить в Санкт-Петербург. Да и у нее самой были проблемы в личной жизни, но уж об этом-то сейчас точно думать нельзя.

– Ритка, да ты меня не слушаешь совсем! – тербил ее Сережка. – Ты все о своем думаешь...

Рита думала не совсем о своем, в данном случае она думала о его матери и сестре, но спросить о них решила позже, после завтрака. Разговор будет тяжелым, за едой о таком не говорят.

– Так на что ты живешь? – повторила Рита свой вопрос.

– Отец дает деньги, – неохотно ответил Сережка, – до сих пор давал, пока мне восемнадцати не было.

– А как дела в институте? – заикнулась Рита и по Сережкиному унылому виду поняла, что дела плохи. – Ты не ври, а говори прямо – много хвостов?

– Много, – сознался он, пряча глаза, – на осень перенес.

Рита решила, что обязательно разберется с этим вопросом. Надо будет поговорить с его отцом. А ругать парня не за что – мать оставила его одного в трудный период – как раз он школу закончил. Удивительно еще, что в институт поступил. Она стала убирать со стола и готовиться к трудному разговору о Маринке, как вдруг в замке заскрежетал ключ.

– Кто это? – От неожиданности она выронила чашку в раковину. – Ты давал кому-нибудь ключи от квартиры?

– Легок на помине, – процедил племянник, и в голосе его Рита почувствовала самую настоящую ненависть.

«При чем тут? Неужели он с такой злобой об отце? – успела подумать она. – Да что у них тут происходит?»

Вошедший захлопнул дверь, прошел через прихожую, причем, как машинально отметила Рита, не вытер ноги, и появился на пороге кухни.

Хотя Рита видела Сережкиного отца очень давно, она не могла ошибиться: это был не он. На пороге стоял здоровый мордатый мужик лет тридцати. Коротко стриженные волосы, бычий затылок и накачанные мускулы говорили о том, что этот тип занимается отнюдь не интеллектуальным трудом.

– Здорово! – протянул парень и окинул Риту наглым взглядом. – Хорошо сидим!

Рита вспомнила, что на ней по утреннему времени простенький халатик с короткими рукавами, а под ним даже нет лифчика, и почувствовала себя очень неуютно.

– Кто это, Сережа? – спросила она, не ответив на приветствие гостя.

Впрочем, по тому, как он по-хозяйски придвинул себе стул и развалился на нем, было понятно, что гостем он себя здесь не чувствует.

– Это Виктор, – упавшим голосом ответил Сережка.

– Зачем ты дал ему ключи от своей квартиры? – Рита взяла себя в руки, и голос ее звучал твердо.

Сережка как-то затравленно перевел глаза на Риту и вымолвил с трудом:

– Я ему ничего не давал... это...

– Кончай базарить, малой! – прервал его Виктор. – Вот, получи, привет от папочки! – И он швырнул на стол тонкую пачку денег.

– Ах вот ты кто! – протянула Рита.

Конечно, как же она сразу не догадалась! Это шофер или охранник, в общем, мелкая прислуга. А по-простому говоря, холуй. Сколько она повидала таких у Валерия! Повар готовит еду, горничная убирает – они заняты делом, а эти... посидеть в машине, пока хозяин гостит у любовницы, отвезти жену в магазин,

вот как сейчас передать деньги сыну... Здоровый мужик бегают на посылках. Сам-то он себя гордо именуется охранником, да только если что-то серьезное, кто ж такому доверит охранять свою жизнь? Да ему хомяка не доверишь – упустит... Рита всегда удивлялась, что Валерий, вроде бы умный человек, держит возле себя такую зажавшуюся сволочь. Все его, с позволения сказать, охранники были похожи друг на друга и на этого Виктора, как однойцевые близнецы. Как они были любезны и предупредительны с Ритой, пока Валерий находился рядом! Зато потом, когда везли ее домой, хамство перло отовсюду. Они усиленно показывали Рите, что она никто, просто любовница их хозяина. Сегодня она есть, а завтра хозяин найдет другую, а Риту вышвырнет коленом под зад, так что им совершенно незачем утруждать себя элементарной вежливостью.

Рита однажды задумалась: отчего они не боятся, что она пожалуется Валерию на утомительное хамство? И поняла, что их отношение – это индикатор отношения самого хозяина. Вся эта челядь безошибочно чувствует, что можно и чего нельзя, и очень редко ошибается.

Однако по тому, как ведет себя этот тип, можно понять, как отец относится к Сережке.

– Папочка велел передать, что это последние! – продолжал мордатый Виктор. – Если бы ты в институте нормально учился, он бы еще подумал, а так, пока хвосты не сдашь... Но судя по тому, что я здесь увидел, вряд ли ты хвосты сдашь. Телка, конечно, у тебя неплохая, все на месте. – Он вытянул шею, чтобы заглянуть Рите за вырез халата, и даже протянул руку, чтобы ущипнуть ее за щеку, как вдруг Сережка резко отвел его руку и закричал:

– Ты, скотина, не смей ее трогать! Это моя сестра!

– Какая еще сестра? Ты как со старшими разговариваешь, малой? – протянул Виктор. – Мало я тебя учил? Мало я тебя из помоек разных вытаскивал? Видно, наука тебе не впрок пошла...

– За такую науку мы еще посчитаемся! – пообещал Сережка.

До сих пор Рита молчала, потому что вспомнила еще один урок тети Любы. «Никогда не хами сразу незнакомому человеку, – наставляла та, – даже если он тебе очень не понравился. Сначала послушай, что он тебе скажет. Бывает, что

человек просто расстроен или его до этого рассердили, он и старается на тебе злость сорвать. А когда поймет, что ты ему не отвечаешь в том же духе, ему станет совестно, и он все тебе сделает, что нужно. А если он законченный хам, то ответить ему в том же духе ты всегда успеешь».

Рита уже все поняла про этого типа и теперь решила вмешаться.

– Насколько я поняла, вам именно за это платят. В этом заключается ваша работа – вытаскивать его из помоек, – заметила она. – Так что ваши жалобы непонятны. Что касается меня, то я действительно его родственница. И называть меня телкой вовсе не обязательно. Вы выполнили поручение – можете быть свободны. И еще: если это последние деньги, то вам больше незачем приходить. Стало быть, ключи вы можете оставить здесь, мне как раз они понадобятся.

– Еще чего! – Сначала Виктор слегка оторопел от Ритиною холодно-презрительного тона, но быстро опомнился. – Не ты мне их давала, не тебе и верну! И это еще надо разобраться, что ты за птица. Какая такая сестра – не родная же, у папочки старше его, – он кивнул на Сережку, – детей нету! Двоюродная, что ли, седьмая вода на киселе? Понаедут тут, на квартиру-то...

– Степень нашего родства вас не должна интересовать, – напомнила Рита, – равно как и судьба этой квартиры.

Нельзя сказать, что на наглою типа сильно подействовали Ритины слова. Но все же хамства в голосе малость поубавилось, и глазами он перестал шарить по ее телу.

После того как в прихожей хлопнула дверь, они немного помолчали.

– Что, с отцом общаетесь всегда через этого козла? – спросила Рита.

– А чего нам общаться? Деньги сдал, деньги получил, – криво усмехнулся Сережка. – Папочка очень занят, а еще у него на шее две семьи, это не считая меня. И он раньше при встрече только одно твердил: дармоедов содержать не намерен. Так что лучше уж через этого.

- А он что - действительно тебя учил уму-разуму?

- Да врезал пару раз, когда я ему всю куртку облевал, - неохотно признался Сережка, - он по папочкиному приказу с одной дачи меня вытаскивал. Тогда тоже несколько дней гудели.

- Тогда будем считать, что вы квиты, - согласилась Рита, а про себя подумала, что и с этим вопросом нужно разобраться.

Повезло Сережке с родителями! Отец знать не желает, деньгами откупается, мать вообще отбыла в неизвестном направлении! Удивительно, как парень вообще с катушек не соскочил!

Не хотелось снова бередить рану, но Рита решилась. В конце концов, она приехала сюда для того, чтобы повидать Сережку и узнать что-нибудь о сестре. Рита вспомнила, как долго и тяжело умирала тетя Люба, как за несколько месяцев до смерти, когда она окончательно слегла, она все ждала известий от Маринки. Потом перестала, как будто поняла, что вестей не будет. И не разрешала Рите затрагивать в разговоре эту тему. А уже умирая, поманила Риту и свистящим шепотом пробормотала ей на ухо:

- Найди их, помоги... Чувствую я, что там неладно...

Сережка ушел в свою комнату и уткнулся там в экран компьютера. Оттягивая разговор, Рита приняла душ, потом в Лялькиной комнате причесалась и подкрасилась. В комнате был какой-то нежилой беспорядок. Чувствовалось, что Сережка в эту комнату вообще не заходил - ему вполне хватало двух других - своей и Маринкиной, которую та в свое время сделала гостиной. Там стояли вполне приличная мягкая мебель и стенка. А здесь - Лялькин диванчик, большой платяной шкаф, ящик для игрушек, маленький столик. Кроме того, еще валялось множество самых разнообразных вещей - женские сапоги, свернутый в трубочку календарь за прошлый год, одна боксерская перчатка... Очевидно, Сережка просто запихивал в эту комнату все ненужные вещи, которые попадались у него на пути.

Рита представила, сколько сил уйдет на то, чтобы привести квартиру в относительно приличный вид, и вздохнула. В шкафу тоже был жуткий

беспорядок. Рита освободила две полки и положила туда свои вещи. Нужно устраиваться поудобнее. Что-то подсказывает ей, что она тут задержится. Сережка будет только рад, он устал от одиночества. Деньги пока есть, немного правда, но на первое время хватит. И нужно как-то отыскать след Маринки с ребенком.

Рита уронила плечико и нагнулась за ним, а когда поднялась, то сильно ударилась головой о полку.

«Правильно, – подумала она, морщась и потирая ушибленное место, – так тебе и надо! Не будешь перед собой хитрить. На самом-то деле ты сбежала в Петербург, как только появилась возможность. Повидать племянника – хорошо, найти следы сестры – замечательно, но не это заставило тебя бежать из родного города тайком, ни с кем не простившись и даже не дождавшись сорока поминальных дней!»

Валерий... Второй в их городе человек после мэра, ее постоянный любовник. Их связь длилась почти три года – он высмотрел Риту на празднике, посвященном дню рождения города. Она произносила приветствие от студентов.

Если бы Рита родилась лет на двадцать пораньше и юность ее пришлось на застойные советские годы, она бы сделала потрясающую карьеру. Рита замечательно смотрелась на сцене – высокая, стройная девушка с яркими карими глазами. Но самым главным достоинством в данном случае считался голос. Голос у Риты был не то чтобы звонкий, но удивительного тембра, и даже если Рита говорила не в полную силу, голос ее слышали все. Голос достался ей от природы, как и абсолютно четкая дикция. Приятный голос, правильная речь...

«Тебе бы в дикторы на телевидение идти...» – вздыхала тетя Люба.

Но в их городе не готовили дикторов. В их городе было всего два института – политехнический и педагогический, а несколько часов местного телевидения плотно заняла одна-единственная дикторша – жена городского прокурора. Подсидеть ее не было никакой возможности – с прокурором боялись связываться.

Рита заканчивала педагогический институт, но все колебалась – очень не хотелось идти в школу. Валерий начал свое ухаживание с того, что устроил ее

на работу в коммерческую фирму секретарем-референтом – в институте Рита выучила английский, частично французский и основы компьютера.

Первое время ей нравилось, что рядом всемогущий мужчина. А когда Рита поняла, что он вовсе не волшебник, что может он далеко не все, что вовсе не так независим, каким хотел бы казаться, она уже вкусила легкой жизни и привязалась к Валерию. Дело было совсем не в дорогих подарках и красивой жизни. Он действительно ей нравился. Нравилась его спокойная манера общения с подчиненными – никаких повышенных тонов, ровно и всегда вежливо. Нравилось, как он разговаривает со своим начальством по телефону – с уважением, но без тени подострастия. Он действительно был хорошим руководителем, в городе его знали и уважали. Нравилось, что, оставаясь с ней наедине, он становился совсем другим человеком – шутил, дурачился, как мальчишка.

Шло время, Рите надоело работать секретарем, она просила, чтобы Валерий устроил ее в городской аппарат. Оказалось – нельзя. Существовал негласный закон, что руководителям нельзя устраивать в аппарат своих любовниц, это неэтично.

Про них все всё знали, на лицах официантов и продавщиц Рита читала осведомленность пополам с завистью. А также легкое злорадство: вот уж он тебя бросит, и мы попляшем на твоих косточках, дождешься ты от нас отличного обслуживания!

На работе директор смотрел с бессильной злобой: ему не нужна была такая секретарша. Он даже боялся повысить на нее голос, а уволить Риту было нельзя – потом неприятностей от властей не оберешься. Рита сжалилась над ним и уволилась сама.

Ей хотелось как-то реализовать себя, найти интересную работу, общаться с людьми, но все смотрели на нее только как на любовницу могущественного человека, а потом будут смотреть как на пустое место.

А Валерий, когда она бросила работу, начал потихоньку капризничать. Какие-то у него там начались начальственные разборки, злопыхатели интриговали. Он нервничал, вечерами пил коньяк, грубил Рите. Потом извинялся, говорил, что любит только ее одну и что, как только кончатся его неприятности и положение

достаточно упрочится, он разведется с женой и женится на Рите.

Глядя ему в глаза, она видела, что он сам в это верит, но Рите совершенно не хотелось за него замуж.

Заболела тетя Люба, и Рита выбросила из головы мысли о работе. Валерий помогал деньгами и доставал дефицитные лекарства, но когда позвонили из поликлиники и просили прийти Риту одну, она поняла, что все напрасно, тетя Люба скоро умрет.

Она отдалилась от Валерия, но он никак не хотел оставить ее в покое. Возможно, он действительно ее любил. Во всяком случае, когда через несколько дней после похорон Рита заговорила об отъезде в Петербург и о том, что неплохо бы им побыть врозь, чтобы разобраться в их отношениях, Валерий устроил жуткий скандал. Она поняла, что он никогда ее не отпустит и жизнь пройдет вот так – без любви, без работы и без семьи.

За два дня она переделала неотложные дела, заплатила за квартиру вперед, собрала только самые необходимые вещи – набрались чемодан и сумка, – оставила верной соседке ключи и уговорила сына этой соседки, шофера-дальнобойщика, подбросить ее на машине до следующей после их города большой станции. Договорившись с проводником, она села в поезд, следующий в Санкт-Петербург.

В купе, немного опомнившись, Рита подумала, что, возможно, не было необходимости убегать тайком, ну не стал бы Валерий держать ее силой! Но нервы бы потрепал, а потом заговорил бы до смерти, и Рита отложила бы поездку, а после снова вошла бы в надоевшую колею... Нет, она все сделала правильно. И тетя Люба бы одобрила. Как она говорила: «Подумай хорошенько, но уж если решилась на что-то – делай не откладывая!»

В комнате пахло пылью и затхлостью. Неудивительно, что Рита так плохо спала ночью. Она открыла окно, которому давно полагалось быть чисто вымытым. С улицы потянуло свежестью. Но стало прохладно – начало мая, в Санкт-Петербурге считается ранняя весна. Рита нашла в шкафу поношенные Маринкины джинсы и серый свитерок, который помнила по прошлым ее поездкам. Маринка говорила, что почти никаких вещей с собой не возьмет, там

все купит. Однако в шкафу одно старье осталось. Ну ладно, для уборки такой костюм сойдет, не в халате же весь день ходить!

- Послушай, - обратилась Рита к Сережкиному затылку, - я, конечно, понимаю, что у тебя похмелье и настроение плохое, но разговора нам не избежать. Ты скажи: от матери было что-нибудь? Письмо или поздравление?

И поскольку ответом ей было молчание, Рита повысила голос:

- Сергей, я к тебе обращаюсь!

- А ты сама как думаешь? - буркнул Сережка не оборачиваясь.

- Я думаю, что не было, иначе бы ты мне показал.

- Правильно думаешь, - он крутанулся на стуле и посмотрел Рите в глаза, - от нее всего было два письма, то есть открытки.

- Как - два? А ты мне только про одно писал.

- Вот. - Он пошарил в ящике письменного стола и бросил на стол конверт.

Рита торопясь вытащила из него фотографию и плотный лист бумаги. В первый момент она не узнала женщину на снимке, но, вглядевшись, поняла: это, разумеется, Маринка. Только зачем-то обстригла волосы и перекрасилась в рыжий цвет. Ей никогда не шло, но, может, у них во Франции сейчас так модно? Сидит себе на пляже в новом купальнике, загорает.

Рита развернула письмо. Большой лист был заполнен едва ли не наполовину. Напечатано на принтере - они там, в Европе, писать ручкой уже разучились.

«Дорогие мои!- прочитала Рита. - Все идет прекрасно, просто замечательно! Николая оказался отличным мужем. Он всячески меня балует и буквально носит на руках. Мне ни в чем нет отказу. На свадьбу он подарил мне кольцо от Картье. Костюм на мне был от Живанши - голубой, а вечером, на приеме по случаю свадьбы, - лиловое платье с очень низким декольте и длинные перчатки.

Мы скоро переезжаем – собираемся покупать дом в предместье Парижа или квартиру в самом городе, еще не решили. Так что адрес я напишу позднее.

Леночка шлет привет, у нее все прекрасно.

Целую, Марина».

– Это все? – Рита недоуменно вертела в руках листок. – Что это за ерунда?

– Как видишь, – процедил сквозь зубы Сережка, – вот такое письмецо.

– Когда она его отправила? – Рита схватилась за конверт.

На штемпеле дата: седьмое апреля этого года. Значит, полтора месяца назад письмо было отправлено из Парижа.

– А получил ты его когда?

– В середине апреля, – угрюмо сообщил Сережка.

«Тете Любе было совсем плохо, – вспомнила Рита, – она все равно уже ничего не понимала».

– Обо мне ни строчки, – продолжал Сережка, – пишет «мои дорогие», а кто это?

– О матери ни слова... – пробормотала Рита. – Послушай, тебе обидно, что она с совершеннолетием не поздравила, но, может быть, скоро отдельное письмо придет...

– Придет! Еще через год! – закричал Сергей. – За десять месяцев всего два письма и было! Ах, все прекрасно! Собралась вдруг замуж за какого-то хмыря, которого она и в глаза-то никогда не видела, а меня она спросила? Я, между прочим, сын родной, и мне ее замужества ой как надоели! И не успокаивай меня, я знаю, что она забыла про день рождения!

– Но как же она могла забыть?

- А как она могла бабушке не написать ни строчки?

Рита промолчала. Сережка вдруг подошел к ней и сел рядом на диван.

- Послушай, Ритка, ну их всех к черту, а? Давай вдвоем жить, переезжай сюда насовсем! Места много, на работу устроишься... Я тоже что-нибудь найду, чтобы подработать. Я ведь у папаши этого деньги брал только потому, что он обязан меня до восемнадцати лет содержать. А одолжений мне от него не надо. Он еще будет условия ставить: сдай хвосты, тогда получишь деньги! Да пошли они все, мы сами проживем! Раз уж мы вдвоем остались...

- А Лялька? Как там Лялька? Почему мать про нее ничего не пишет? - вздохнула Рита.

- Вот же пишет: у Леночки все в порядке.

- Какой еще Леночки? Никогда мы так ее не называли - Лялька, и все.

- У нее там, во Франции, уже совершенно ум за разум зашел, небось и по-русски разговаривать разучилась.

- Ну не знаю. - Рита еще раз перечитала письмо.

Конечно, Маринка всегда была взбалмошной и жила не по уму, как говорила тетя Люба, но не до такой же степени! Пишет про тряпки, про кольцо, а про ребенка ни слова. Нет чтобы подробно рассказать - какой муж, где живет, чем занимается, как к Ляльке относится. Уж если все так хорошо, как она пишет, то почему бы не похвастаться, расписать все подробно? И в конце концов, для сына родного можно и ласковое слово найти. И матери написать, рука не отвалится, тем более что не рука, а компьютер. Хотя матери-то нет больше, а Маринка и не знает про это.

Адреса так и не прислала. Может, муж боится, что куча родственников из России припрется?

- Сережка, а в том, первом, письме тоже обратного адреса не было?

Сереежа молча вывалил перед Ритой ящик письменного стола на пол.

– Ищи сама!

В ящике был полный набор. Аудиокассеты, дискеты просто навалены даже без надписей, начатая упаковка скотча, несколько пакетиков с презервативами, зачетка, вымазанная чем-то липким, подушечки жевательной резинки, сломанные часы и батарейки для плеера. На самом дне среди бумажек с записанными телефонами каких-то Ир и Тань лежал большой лист бумаги, расчерченный для записей при игре в преферанс. И только под ним Рита обнаружила отдельно лежащую фотографию. Маринка с дочкой на пляже. Лялька в кокетливом купальнике в синий горошек, волосики выются колечками – видно, купалась, они всегда от влажности у нее завиваются. Маринка еще не загорелая. И волосы длинные по плечам распущены.

Рита перевернула фотографию. Сзади Маринкиным торопливым неразборчивым почерком было нацарапано:

«Серенька! Европа – это полный облом! А Франция – сказка про Красную Шапочку! Завтра едем знакомиться с будущим мужем. А пока загорали и купались. Живем в отеле, но завтра оттуда съезжаем, пока не знаю куда. По-французски знаю два слова – „мерси“ и „пардон“. Можешь себе представить, этого хватает!

Целуем тебя крепко, солнышко!

Мама и Лялька».

И в самом низу едва поместился след маленького Лялькиного ротика, вымазанного Маринкиной помадой.

«М-н-да-а. Коротко и бестолково, но совершенно по-Маринкиному».

Рита еще раз перечитала последнее письмо. А вот оно совершенно безликое, такое впечатление, что писал совсем другой человек. Но может, так кажется из-за равнодушных компьютерных строчек?

Она забрала оба снимка и письмо и ушла на кухню. Нашла в сумочке сигареты и прикурила от кухонной зажигалки. Валерий был очень недоволен, когда она курила, и теперь, ощутив невольный страх, Рита посмеялась сама над собой. «Все, милая, больше никто не будет тебе ничего запрещать! Свободна и одинока! Можешь рассчитывать только на себя». Она заглянула в сумочку. Деньги, семьсот пятьдесят долларов, были на месте. И еще тысячи три с чем-то нашими. Вот и все ее богатство. От тети Любы осталось немного. Конечно, есть еще квартира. И кое-какое золотишко – не зря тетя Люба всю жизнь проработала в ювелирторге. Но прошло бы очень много времени, пока Рита сумела продать квартиру. Пришлось бросить все как есть. А колечки, купленные в советские времена, сейчас ценности большой не имеют.

Рита положила перед собой оба снимка и стала рассматривать их, сравнивая. Зачем она это делает, она не сумела бы объяснить. Но что-то беспокоило ее, что-то такое, чему она не могла пока дать определения.

Снимки были одинакового размера, на такой же бумаге и вполне могли быть сделаны одним и тем же аппаратом. Но между ними была разница во времени не меньше... сейчас сообразим. Значит, уехала Маринка в прошлом году в июле. Ну да, она ведь приезжала к ним с тетей Любой проститься, и обратный билет брала ей Рита на девятое июля. А на пятнадцатое у нее уже были билеты на самолет в Париж. Значит, прилетели они пятнадцатого, пока то да се, сняты они не в Париже – видно, что пляж, море рядом. Значит, привезли их на Лазурный берег, оттуда Маринка прислала фотографию.

Дальше, у нас сейчас май. А второе письмо она отправила седьмого апреля. И хоть климат в Париже получше петербургского, но в апреле там особо не позагораешь. То есть снова сфотографировали ее на Лазурном берегу, там в апреле уже тепло.

– А чего она все на море-то? Дел, что ли, других нету? – Рита не заметила, что задала этот вопрос вслух.

Хотя... в этом вся Маринка. Если есть у нее возможность побыть на море или в кафе посидеть, время провести, она эту возможность ни за что не упустит. В ущерб всему остальному. Поэтому и мужья уходили. Это тетя Люба так считала.

Рита внимательно, до боли в глазах вглядывалась в снимки. Если не считать прически, то не очень-то Маринка и изменилась. Время проводит на пляже, а загара-то почти и нет – так, чуть-чуть золотистая. И улыбается... ага, вот в чем тут дело. Примерно за полгода до ее отъезда пришлось Маринке вырвать зуб. Не передний, конечно, сбоку, но если улыбаться, то видно. Она коронку ставить не хотела, решила сделать имплантат. А в клинике такие деньги заломили, что она отступилась. Тем более вскоре ее с работы уволили. Решила оставить это дело до Европы. Если, мол, повезет и с замужеством все будет в порядке, то муж денег даст, а если нет – то вернусь, потом сделаю.

Но стеснялась все же, что зуба нет, и улыбка получилась у нее несколько кривоватая. Так и есть: на первом снимке такая улыбка и на втором тоже. Значит, не вставила зуб. А пишет, что муж богатый, Картье, Живанши...

Ясно, что привирает.

А это что еще? Рита поднесла последний снимок к глазам, потом крикнула:

– Сережка, у тебя лупа есть?

Против ее ожиданий он явился довольно быстро с лупой, а она уж думала, что придется перерывать всю квартиру.

– Что ты тут рассматриваешь? – ворчал он. – Давай лучше в магазин сходим, а то есть хочется.

– Сейчас-сейчас, – отмахнулась Рита.

Новый купальник был у Маринки гораздо открытее старого. И вот, на ее бедре Рита заметила такое, что опустилась на стул в полном изумлении. Когда Лялька с матерью были у них накануне отъезда, девчонка совершенно случайно пролила на них с Ритой горячий чай. Хорошо, что сама не пострадала. Больше всех попало Рите, и на Маринкино бедро брызнуло. Рита тогда мигом сорвала с себя юбку, так что пропитанная горячим ткань недолго прикасалась к ее телу. Был ожог, но шрама не осталось. А Маринка что-то замешкалась, пока проверяла Ляльку, и ожог получился небольшой, но сильный. Очень она сокрушалась, что перед поездкой такое случилось. И вот Рита своими глазами видит этот ожог. То есть, конечно, он подзажил, но за восемь месяцев должен был вообще пропасть!

Рита бросила снимки на стол и закурила новую сигарету. Все эти совпадения могли означать только одно: Маринка прислала им фотографию, которая была сделана не сейчас, а тогда же, почти сразу по ее приезде. И зачем-то хочет их убедить, что фотография сделана недавно. Именно поэтому она постриглась и перекрасилась. И именно поэтому рядом с ней нет Ляльки: ребенка-то перекрашивать не будешь. А если просто так сфотографировать, то никто не поверит, потому что маленькие дети за год очень меняются!

Но для чего она это сделала? Не сложилось с французским мужем и теперь ей стыдно? Что за ерунда! Если бы не сложилось, то давно бы уж дома была. Или написала бы все как есть. Раньше она всегда матери писала правду, ничего не скрывала. Да полно, она ли? Вот теперь Рита совершенно четко сформулировала свои ощущения от последнего письма: оно фальшивое. Оно написано не Маринкой. Чего стоит одно упоминание о Леночке! Всю жизнь они Ляльку звали Лялькой, и больше никак. И не настолько она там свихнулась, чтобы забыть о сыне начисто. Может, Маринка была ему и не очень хорошей матерью, но скотиной никогда не была, нашла бы время написать письмо, позвонить, даже подарок на день рождения прислала бы! Тем более раз деньги есть. Но можно ли верить содержанию письма?

Значит, кто-то послал Сережке безликое письмо и фото, которое Маринка сделала еще тогда. То есть все было заранее задумано, раз она перекрасилась, чтобы выглядеть изменившейся? Чушь какая!

Но если все это ее домыслы, возразила сама себе Рита, то где же тогда Маринка с Лялькой? Почему они не дают о себе знать?

– Странно все это, – пробормотала Рита. – Тебе, Сергей, так не кажется?

Сережка равнодушно посмотрел на снимки и перевел глаза на Риту.

– Я вообще про нее не хочу знать! – твердо ответил он. – Раз уехала и не пишет – я тоже так буду. Она дала понять, что у нее нет сына, – тогда у меня нет матери.

– Разве можно такое говорить? – испугалась Рита.

– А ей можно так делать? – Рита видела, как ему больно, хотя он старался этого не показывать. – Когда задумала она это французское замужество, все переживала, что возраст уже не тот. Могут не взять. Так она пять лет убавила, а про меня вообще ничего не сказала, когда анкету заполняла. Дескать, один ребенок – Лялька. Сам слышал, как она по телефону говорила: там, дескать, отдают предпочтение одиноким женщинам, то есть чтобы тут никто не оставался. Так что я ей не нужен.

– Да, – вздохнула Рита, – что уж тут скажешь... Ладно, тогда давай поговорим о другом. Ты вот говорил, что все хвосты перенес на осень. Но насколько я знаю, летняя сессия еще вообще не началась? Ведь май месяц на дворе! Сережка, по моему, ты мне лапшу вешаешь!

– Это с зимней сессии хвосты, – признался он.

– Тогда при чем тут осень? – не отставала Рита. – Слушай, ведь отчислят и в армию заберут!

– Можно академку оформить... только платить нужно, – неуверенно пробормотал он.

– Сколько?

– Не знаю... Декан говорит: если родители придут, то с ними и будут разговаривать...

– Ох, не миновать мне встречи с твоим родителем! – с чувством высказалась Рита. – У тебя телефон его есть?

Сережка дал ей служебный телефон отца с большой неохотой, и то только когда Рита всерьез рассердилась и накричала на него. Ее плохое настроение усугубилось тем, что по найденным в процессе уборки квитанциям Рита поняла, что он не платил за квартиру четыре месяца. Телефон и электричество тоже были просрочены.

День был будний, следовательно, Сережкин отец находился на работе. Рита забрала телефон на кухню, закрыла дверь и набрала номер. Ответил сразу

женский голос, по интонациям Рита угадала секретаря.

- Могу я поговорить с Романом Александровичем?

- Вы по какому делу? - сразу же поинтересовалась секретарша.

Ого, понятно, что деловой человек, так просто к нему не пробиться. Но не зря Рита у себя в городе полтора года работала секретарем. Она не стала рассказывать свою историю и уверять, что ей очень, ну просто очень нужно поговорить с Романом Александровичем по личному делу. Сухим, официальным голосом она отчеканила:

- Это говорят из института. Вопрос касается его сына.

- Что-то срочное? - В голосе девушки прозвучала сложная смесь чувств: с одной стороны, ей, видимо, строго-настрого запрещалось соединять со случайными людьми, а с другой - если что-то случилось с сыном и она не соединит, от шефа сильно влетит.

- Естественно, срочное! - Рита добавила в голос официальности. - Девушка, вы будете препираться или работать?

- Соединяю...

- Слушаю вас! - в трубке послышался начальственный бас.

- Моя фамилия Сорокина, Маргарита Андреевна Сорокина. Я двоюродная сестра вашей бывшей жены и сыну вашему, стало быть, прихожусь теткой.

- Простите, нельзя ли короче? - ее невежливо перебили. - Что вы хотите?

- Я бы хотела поговорить с вами о сыне... Желательно это сделать не по телефону.

- Значит, сейчас с ним все в порядке?

– Я бы так не сказала. Ему грозит исключение из института, а дальше – сами понимаете что. Послушайте, вы хоть представляете, с кем говорите? – Рита решила начать голосовую атаку.

Ей говорили, что по телефону ее голос звучит еще лучше, чем в жизни. Конечно, официальный разговор – это не частная беседа, где можно позволить себе гораздо больше. Но добавить теплоты и загадочности можно и в этом случае.

– Что-то смутно припоминаю, – зарокотала трубка, – вы приехали из?..

– Да-да. И меня очень беспокоит Сергей. Если вы как отец не вмешаетесь... Но это долго объяснять по телефону.

– Такая девчужечка была серьезная...

– Боюсь, вы будете разочарованы, та девочка выросла. Вряд ли вы меня узнаете при встрече, – интригующе сказала Рита.

Он понял намек.

– Хорошо... давайте встретимся и поговорим.

– Сами назначьте время и место, вы ведь занятой человек...

– Сегодня вас устроит? Я освобожу часа полтора. Раз дело срочное...

Они условились встретиться в пять часов в кафе «Диана». Рита сказала, что никогда там не была, но найдет.

Сережке кто-то позвонил, и он смылся из дома на целый день. Рита начерно разобрала завалы в квартире, сходила в магазин и занялась своим внешним видом. Хоть и деловое, а все-таки свидание, нужно быть в форме.

На улице значительно потеплело, даже удивительно для начала мая. Рита слегка подгладила помявшийся в чемодане терракотовый брючный костюм – он очень подходил к ее светло-карым глазам, – наложила легкий макияж... так, к вечеру помаду можно поярче, маникюр еще ничего себе... сойдет для

Сережкиного папаши, хоть он и сильно крутой! Из зеркала в прихожей на нее смотрела весьма привлекательная молодая женщина.

- И даже просто красивая, - вслух усмехнулась Рита, - что уж скромничать.

Посидят, поговорят, выпьют кофе. Нужно понемногу выбираться на люди и стряхнуть с себя те ужасные дни и недели, когда ухаживала за умирающей тетей Любой, зная уже, что все напрасно, она обречена... А если немного пофлиртовать, то, возможно, Сережкин отец поможет с работой... ну, там видно будет...

Кафе «Диана» Рита нашла легко - выйдя из метро, спросила, как туда пройти, первую попавшуюся парочку. Она думала, что заведение названо в честь его хозяйки - у них в городе был парикмахерский салон «Майя», так звали его владелицу, - но оказалось, что дизайнер решил обыграть название кафе, оформив интерьер в стиле мифическо-охотничьем. На стенах висели луки и стрелы в кожаных колчанах, а также еще какие-то охотничьи орудия - пращи и копья. Прямо напротив того места, куда официант усадил Риту, на стене была нарисована картина - Диана с луком в руках и со стрелами за спиной, как полагается, в сопровождении лани, выходит на полянку, а из кустов за ней подсматривает мерзкая рожа с рогами, долженствующая, надо полагать, символизировать бога Пана. Диана была в очень коротенькой прозрачной тунике и внешностью напоминала знаменитую модель Клаудиу Шиффер.

Рита, помня о том, что Сережкин отец - занятой человек, пришла ровно в пять часов, как договаривались. Ее никто не ждал, так что она попросила принести стакан минеральной воды и села таким образом, чтобы видеть входную дверь.

Прошло минут десять, в кафе входили люди, но никто из них даже отдаленно не напоминал Романа Александровича - не надеясь на свою память, Рита попросила Сережку описать подробно внешность отца. Она начала понемногу сердиться. Официант перехватил ее взгляд, устремленный на дверь, и усмехнулся, что еще больше рассердило Риту. Наконец дверь в очередной раз открылась и впустила человека, который показался Рите знакомым. Он повернулся, оглядывая зал, и Рита увидела его лицо. Ну конечно, давешний мордатый Виктор. Здравсьте вам, как говорится, давно не видались!

Виктор заметил Риту и теперь шел к ее столику вразвалочку.

– Привет! – Снова он нагло оглядел ее всю и остался, надо полагать, доволен. – Шеф велел передать, что сегодня никак не может. Важные переговоры у него. Так что вот, получи! – Он положил на стол пачку долларов. – Шеф сказал, что этого хватит, чтобы решить проблему. А если еще нужно, ты скажи мне. И вообще передай, чего хотела-то.

Произнося эти слова, он удобно уселся на стуле, бросил на стол ключи от машины и мобильный телефон и махнул, подзывая официанта.

Рита молчала, потому что горло перехватило от возмущения. Ай да Роман Александрович! Да кем он ее считает? Бедной родственницей из провинции? Назойливой побирушкой? А она-то, дура, еще наряжалась...

Рита встала так резко, что опрокинулся стул. Она пересчитала деньги, их оказалось ровно тысяча долларов – папочка ничего не жалеет для сына и для его тети с приятным голосом!

– Передай своему шефу, – тихо заговорила Рита, но голос ее был тверд, – передай ему, что я не имею дела с шестерками. Если он хочет что-то сделать для своего сына – пускай сам с ним разговаривает. Я больше его беспокоить не буду.

Она швырнула пачку денег через весь стол Виктору.

– Деньги ему вернешь, нам подачек не надо! Да если что к рукам прилипнет, так я завтра секретарю позвоню, проверю, все ли сдал. И чтобы больше я твою рожу не видела никогда!

Она перехватила обеспокоенный взгляд официанта и уже на бегу сунула ему деньги за минеральную воду. На Виктора она больше не посмотрела и опомнилась только в метро. «Что ж, разберемся сами. Правильно Сережка говорит, нам никто не нужен». Но, вспомнив о странной Маринкиной фотографии, Рита почувствовала, как какой-то мерзкий червяк точит ее сердце. И тетя Люба, умирая, сказала, что с Маринкой неладно. Перед смертью люди становятся провидцами, это точно.

Дома Сережка маялся перед закрытой дверью, потому что единственные ключи Рита унесла с собой.

- Ну что, повидала папочку?

- Похоже, твой папочка твердо решил общаться с нами только при помощи своего мордатого Витьки.

Рита рассказала в подробностях всю свою встречу. Сережка вяло позлорадствовал:

- Говорил же я тебе, а ты не верила. Вот теперь сама убедилась.

- Слушай. Надо решить вопрос с ключами. Этот Виктор теперь из вредности ключи не отдаст. У тебя же было три комплекта, не могла же мать свой во Францию увезти?

- Да, - промямлил Сережка, - но тут у меня Вовик Хохряков жил. А потом он съехал, а ключи потерял.

- Так, - протянула Рита, - а кто еще у тебя тут жил?

- Девчонка одна, не моя, нет... Она из дома сбежала, родители плохо к ней относились, даже одежду не отдали.

- Понятно, куда делась вся Маринкина одежда, - процедила Рита. - Вот что, Сергей. Пока ключи где-то гуляют, я не буду знать покоя. Придется менять замки.

Сережка только махнул рукой - делай, мол, что хочешь!

Весь вечер Рита просидела над рекламной газеткой и утром дозвонилась до фирмы, которая согласилась прислать мастера прямо сегодня. И через полтора часа разбитый деловитый мужичок уже явился с инструментами и замками. Он одобрил железную дверь, поставленную в свое время Маринкой, уговорил Риту не снимать старый замок, а закрутить его, чтобы не работал, чтобы злоумышленники посчитали его действующим и потратили время, чтобы его

открыть.

– А верней всего, раз квартира у вашего племянника просто проходной двор какой-то, сделайте вы сигнализацию. Могу порекомендовать одних, у меня там приятель работает.

У Риты в голове забрезжил мстительный план. Ради такого стоит потратить деньги.

Мастер закончил с замками и сам позвонил насчет сигнализации.

Приехали оттуда очень быстро, Рита не успела мастера даже чаем как следует напоить. Он передал ее с рук на руки своему симпатичному приятелю и ушел.

Наблюдая за работой приятеля и иже с ним, Рита убедилась, что имеет дело с профессионалами. Дверь мигом поставили на сигнализацию, провели с Ритой и Сережкой краткий инструктаж насчет отключения и подключения и указали, куда прийти написать заявление и заплатить деньги. В списке людей, кто может открыть двери, Рита указала только себя и племянника. Последний, третий, комплект ключей она спрятала подальше, чтобы Сережка не нашел – так спокойнее. И действительно, вечером в постели, вытянув ноги, уставшие от беготни, Рита вздохнула спокойнее. Теперь не будут шастать в квартиру всякие сомнительные личности. Маринка хоть и была взбалмошная, но квартиру содержала в порядке, так и нужно.

Вспомнив о сестре, Рита снова затосковала. Что там с ними могло случиться? Странно как-то все. Ну, положим, Маринка – взрослая женщина и вправе сама распоряжаться своей судьбой. И не полная она дурочка. Кое-какой жизненный опыт имеется – три раза замужем была! Но, подумав о Ляльке, маленькой голубоглазой Ляльке, Рита забеспокоилась не на шутку. Ребенка ведь так легко обидеть...

Какого черта, рассердилась Рита, она лежит в темноте и воображает себе всяческие ужасы? Не лучше ли будет предпринять какие-то шаги? Куда уехала Маринка с ребенком? Рита только знает, что во Францию. Так она говорила им с тетей Любой, когда прощалась, и оба письма пришли из Франции. Координат того самого агентства, которое оформляло Маринку с ребенком за границу, Рита не знает. Имени и адреса предполагаемого мужа – тоже, вернее, имя есть –

Николя. Так написано в последнем письме. Но Рита уже почти уверена, что в письме все вранье. Так почему бы и имени Николая тоже не быть фальшивкой?

И тут Риту неожиданно посетила здравая мысль. Ладно, никто не знает, куда уехала Маринка. Но есть один человек, который обязан это знать. Этот человек – отец Ляльки, Маринкин третий муж. Франция – культурная европейская страна, это вам не какая-нибудь Центральная Африка, где белого человека случайно съедят и никто не хватится. Насколько Рита знает, в консульстве французском требуют нотариально заверенное разрешение на поездку от отца, даже если ребенок едет с матерью. Так этот самый отец должен знать, на сколько времени он давал своему ребенку разрешение на поездку, и если через положенное время ребенок не вернулся, то отец имеет право поинтересоваться, куда его ребенок делся. И ему обязаны предоставить такие сведения.

Так что зря она порет горячку, возможно, Маринкин третий муж полностью в курсе дела. И раз он не беспокоится, стало быть, знает, что ребенок его в полном порядке. Может быть, Маринка звонила ему и сообщила какие-нибудь сведения о себе и ребенке? А может, он сам предпринял какие-либо шаги... Не может такого быть, чтобы отец не беспокоился о дочери, да еще такой хорошенькой, как Лялька.

И уже совсем засыпая, Рита видела перед глазами льняные кудряшки, голубые Лялькины глаза и маленький розовый ротик, щебетавший что-то звонким голоском.

Наутро Рита приступила с расспросами к Сережке. Сама она Маринкиного мужа не видела – когда сестра привозила его к тете Любе знакомиться, Рита, тогда еще студентка, ездила с большой компанией в Крым. Тетя Люба в ответ на ее вопрос, понравился ли ей Маринкин муж, отвечала уклончиво, но по вертикальной морщинке, появившейся у нее на лбу, и по скептически поджатым губам Рита поняла, что очередной Маринкин муж тете Любе не понравился. Но девчоночка у них получилась изумительная. Тетя Люба, правда, больше любила Сережку – как водится, первый внук самый любимый, а Рита привязалась к Лялке. Та тоже очень ее отличала и звала Литой, без всяких тетей.

– Сергей, – обратилась Рита к племяннику, когда он съел солидную порцию омлета с сыром и зеленью, два бутерброда с полукопченой колбасой и допивал

вторую чашку кофе со сливками, – Сережа, мне нужны координаты Лялькиного отца... как его зовут-то...

– Евгений, – криво усмехнулся Сережка, – Евгений Барковский.

– Точно, я же знала, что Лялька у нас Елена Евгеньевна! А фамилию, значит, мать его не стала брать?

– По-моему, ей надоело паспорта менять, – хмыкнул Сережка. – Ляльку записала на него, а сама осталась на фамилии предыдущего мужа, Антона...

– погоди, не морочь мне голову этими мужьями! – взмолилась Рита. – Второй Маринкин муж тут ни при чем, мне нужно узнать координаты третьего.

– На кой черт он тебе сдался? – искренне удивился племянник. – Совершенно не может быть у вас никаких общих интересов.

– Мне он нужен не для интереса, а чтобы узнать кое-что. Может, мать ему написала?

– Мне не написала, а ему написала? – захохотал даже Сережка. – Да ты что? У них отношения были плохие!

– Но Ляльку-то он любил? Часто они виделись?

– вроде бы любил, – неуверенно проговорил Сережка, – приходил, правда, редко, но подарки дарил... Денег мало давал, мать ругалась.

– А из-за чего они вообще развелись? Мама не говорила?

Рита рискнула задать этот вопрос, потому что Сережка был уже достаточно взрослый, чтобы разобраться в отношениях матери и ее последнего мужа. Ей хотелось понять – в чем же все-таки было дело с Маринкиной семейной жизнью. Отчего ни один муж не мог долго ужиться?

– Развелись они из-за свекрови, – протянул Сережка, – мать говорила, что у него, у Евгения-то, такая мамаша, что ужас.

– Ну, свекровь – это неизбежное зло, – вздохнула Рита, – покажи мне такую свекровь, которая безумно обожает свою невестку, однако не все же браки распадаются.

– Там было что-то особенное. Он и женился-то на матери только из-за Ляльки. Вместе они жили недолго, потом он отбыл обратно к мамочке. Но приходил – жил на два дома. А после уж совсем развелись. Мамаша его приходила скандалить. Ну, я тебе доложу, женщина! Ух! – оживился Сережка. – Ей бы в цирке работать, укротителем удавов.

– Почему именно удавов? – Против воли Рита рассмеялась.

– А никакой другой зверь ее взгляда не выдержит. На месте помрет от разрыва сердца. Ну ладно, мне некогда, вот тебе телефонная книжка, там все координаты есть. Смотри на «Ж»!

Рита листала книжку и на букву «Ж» действительно нашла запись: Женя. И дальше два телефона – домашний и служебный. Сбоку мелким почерком была приписка: мама – Светлана Федоровна.

Очевидно, Маринка сделала запись в телефонной книжке вскоре после знакомства с Евгением.

– Слушай, а как он тебе показался, что вообще за человек? – крикнула она в спину уходящему Сережке.

– Форменный козел, – ответил тот не оборачиваясь.

– Из чего ты составил такое мнение, – опешила Рита, – по его поступкам?

– По первому впечатлению, – Сережка соизволил повернуть голову, – как поглядел на него, сразу понял. А общаться с ним меня мать не заставляла. Она со вторым мужем пыталась нас свести, а с третьим решила не заморачиваться – понимала, что он ненадолго. Так что мы друг другу старались не мешать, я сам по себе, он тоже. А что он козел, так ты тоже с первого взгляда поймешь, это точно...

Рита не верила, что Сережка хорошо разбирается в людях, однако на всякий случай решила не связываться с бывшей Маринкиной свекровью – если уж дойдет дело до открытой конфронтации, то Рита предпочитала поскандальить, так сказать, лично, а не по телефону.

Евгений оказался на месте, и работу он не менял. И телефонный номер тоже. Но минут сорок ушло на то, чтобы найти его в огромном государственном учреждении.

«Он вышел, – говорил по одному номеру приятный девичий голосок, – позвоните в технический отдел». В техническом отделе не менее приятный голос сообщал, что Евгений Витальевич ушел в библиотеку. А там – что он в отделе переводов. В отделе переводов дама сварливым голосом спросила, по какому делу Рите нужен Евгений Витальевич, и когда узнала, что по личному, удивленно замолчала. И наконец, когда Рита уже готова была послать все к черту, Евгений нашелся.

Но это было еще полдела, потому что теперь-то и начались бесконечные телефонные препирательства, кто же Рита такая и чего она хочет от совершенно незнакомого человека.

– Послушайте, я не посторонняя, а сестра вашей жены, – сердилась Рита.

– У меня нет жены, – раздался невозмутимый ответ.

– Но была? А также я точно знаю, что у вас есть дочь. Елена Барковская.

– Допустим, – осторожно согласился Евгений, – дочь у меня есть.

– И вы знаете, где она в данный момент находится?

– В данный момент она находится с матерью за границей.

– Где? – чуть не закричала Рита. – Где конкретно она находится? В какой стране, в каком городе? Адрес вы ее знаете?

– Хм... а по какому праву вы задаете мне эти вопросы? – В голосе Евгения появились подозрительные ноты. – Вы вообще кто?

– О Господи! – воскликнула Рита. – Только не будем начинать все сначала. Вы когда заканчиваете работу?

– В семь часов, – нерешительно проблеяли на том конце.

– Говорите адрес, я встречу вас у выхода. По телефону мы ни о чем не договоримся. – И, сообразив, что он ищет предлог для отказа, присовокупила: – А может быть, мне лучше приехать к вам домой?

– Нет-нет, – сразу же заторопился Евгений, – лучше встретимся после работы.

Он продиктовал адрес.

«Все ясно, – подумала Рита, повесив трубку, – он не хочет, чтобы его мамаша узнала про меня. Но на что ей я? Значит, он не хочет, чтобы мать вспоминала про Маринку. Может, у нее от воспоминаний о невестке начинаются колики? Или нервная почесуха... Вполне возможно, вот сын и бережет мамочкино здоровье. Но на этом можно хорошо сыграть. Если он не ответит на мои вопросы, пригрожу, что пойду за ответами к мамаше».

Рита по голосу своего собеседника поняла, что по-хорошему она с ним вряд ли договорится, и решила применять метод шантажа.

Рита сразу его узнала – уж очень подходил к описанию Сережки. «Но не будем наклеивать преждевременные ярлыки, – тут же одернула она себя, – первое впечатление может быть обманчиво».

Увидев привлекательную молодую женщину, Евгений слегка оттаял. Оказалось даже, что за время, что прошло после их разговора, он произвел ревизию в своей памяти и где-то там в уголке обнаружил намек на воспоминание о том, что у его бывшей жены в далекой провинции жили мать и сестра.

– Я могу показать паспорт, – агрессивно начала Рита вместо приветствия, – чтобы вы не думали, что я питаю по отношению к вам преступные намерения.

– Ну зачем же, – протянул Евгений, – я вам на слово верю. Итак, – начал он, осторожно улыбаясь, – что вы хотели мне сказать?

Рита подумала, что на улице разговаривать неудобно, но вряд ли удастся затащить Евгения куда-нибудь, где можно поговорить спокойно. Поэтому она взяла его под руку и подтолкнула в сторону бульвара, на котором стояли скамейки, по случаю весны свежоокрашенные в ярко-зеленый цвет.

Евгений внимательно оглядел скамейку, даже потрогал ее пальцем и, только заметив, что с противоположной скамейки только что поднялся пожилой человек с палочкой, решился сесть.

– Так что вы хотели мне сказать? – напомнил он.

– Ничего особенного, – отчеканила Рита, – я только хотела вас спросить, что вы знаете о местонахождении вашей дочери Елены.

– Погода какая сегодня хорошая, вы не находите? – Евгений откинулся на скамейке, подставляя лицо слабому вечернему солнцу.

Рита взглянула на него в полном удивлении, но он этого взгляда не заметил. Они помолчали немного, и когда Рита начала уже заводитьсь, он заметил:

– Должен вас огорчить, Маргарита...

– Андреевна, – машинально подсказала Рита.

– Должен вас огорчить, я ничего не знаю о местонахождении моей дочери Елены.

– Даже отдаленно не имеете представления, где она может находиться?

– Ну почему же, отдаленное представление я имею. Она с матерью где-то за границей.

– Во Франции...

– Вот как? Я не знал, – Евгений повернулся к Рите лицом, – что ж, я рад за дочку. Франция – чудесная страна, я сам, правда, там никогда не был.

Рита открыла было рот для гневной тирады, но усилием воли сдержала себя. Так она ничего не добьется. В конце концов, это она искала встречи с Лялькиным отцом, и если она будет разговаривать с ним грубо, он просто может послать ее подальше. Правда, что-то подсказывало Рите, что встреча завершится ничем. Она осторожно скосила глаза на Евгения. Среднего роста, довольно щуплый. Глаза из-за очков кажутся маленькими и какими-то невыразительными. Очки, правда, в дорогой оправе. А сам одет очень просто, но с подчеркнутой аккуратностью. Что ж, это положительное качество...

Рита тяжело вздохнула. Она знакома с этим человеком всего несколько минут, а он уже ей безумно надоел. Прав был Сережка, зря она затеяла эту встречу.

– Вам не интересно, как живет ваша дочь? – пробормотала она.

– Я уверен, что она живет хорошо, просто отлично.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Потому что она с матерью. А если бы ее матери там не нравилось или не устраивал новый муж, то она бы нашла способ сообщить мне об этом. Или бы вернулась и снова начала бы звонить по телефону и надоедать просьбами о деньгах. Если ее нет – стало быть, там, во Франции, ей нравится, ее полностью устраивает новый муж и мои заботы ей не нужны.

– Ей – не нужны, а дочери? Вы совсем не скучаете по девочке? – настойчиво спрашивала Рита.

Что-то дрогнуло в его лице, он снял очки и начал протирать их безукоризненно чистым носовым платком.

«Мама – Светлана Федоровна», – вспомнила Рита, отметив чистоту платка. Глаза Евгения без очков казались больше, но взгляд был отрешенный и какой-то беспомощный.

«Близорукость, – поняла Рита, – как бы у Ляльки не проявилась она с возрастом...»

– Моя бывшая жена превратила мою жизнь в ад, – медленно заговорил Евгений. – Она настраивала дочку против меня и моей мамы, не давала нам встречаться.

«Врет! – подумала Рита. – Маринка не могла так делать, у нее характер, конечно, взбалмошный, но далеко не стержневой. Это небось свекровь там руку приложила».

– И тем не менее, – продолжал Евгений, глядя куда-то вдаль, – я был против их отъезда. Я имею право видеть дочь. Я так и сказал Марине. Но она не послушалась. Она увезла ее тайком, даже попрощаться не дала мне с Лялькой.

– Слушайте, что вы мне вкручиваете! – не выдержала Рита. – Во-первых, Марина никогда бы так не сделала, она даже к нам приезжала с дочкой, чтобы проститься. А уж не дать ребенку повидать отца родного перед отъездом – этому я никогда не поверю! А во-вторых, если бы вы не захотели, то они никогда бы не уехали. Потому что при выезде французское консульство требует разрешение на поездку от отца ребенка. Разрешение должно быть с подписью и заверенное нотариально! И не говорите мне, что не давали такого разрешения!

– Что вы говорите? – Евгений поглядел на Риту поверх очков. – Вы уверены?

– Пойдите сами в консульство и прочитайте! Там правила висят на дверях! Хватит валять дурака! Отвечайте, куда она уехала, кто ее пригласил. Фамилию и адрес этого человека вы должны знать!

– Но я ничего не знаю, – промямлил этот придурок.

Господи, это надо уж совсем рехнуться, чтобы выйти за такого замуж! Куда Маринка только смотрела?

– Значит, ее уволили с работы, и жить стало не на что. А вы давали деньги только на Ляльку, да и то немного, мне Сережка рассказал.

– Я не сын Рокфеллера, – огрызнулся Евгений, – у меня, между прочим, еще мать-пенсионерка на содержании...

Рита представила, как жила Маринка последнее время перед отъездом. Отложенных денег у нее не было, она никогда не умела копить впрок, за что тетя Люба очень ее осуждала. Работы тоже было не найти – все же ей далеко за тридцать. Убавляй не убавляй возраст, а при поступлении на работу паспорт требуют. Специальности никакой, а девочкой на побегушках не возьмут – старовата. Да она и сама не пошла бы – зарплата маловата, а Маринке нужно было семью кормить.

Разумеется, она нервничала, наверняка пыталась искать помощи у этого типа, что сидит сейчас рядом с Ритой и делает вид, что наслаждается майским вечером. И никакой поддержки от него не получила – ни материальной, ни даже моральной. А когда ей показалось, что выход найден, что можно уехать в Европу и все начать сначала, бывший муженек, видите ли, уперся рогом и ни в какую не давал разрешения на поездку. Интересно все же, каким образом Маринка его обошла?

Как видно, мысли Евгения текли в том же направлении, потому что он вдруг повернулся к Рите весьма проворно.

– Ну хорошо, – внезапно в его глазах мелькнула искра озарения, – так или иначе, но она уехала во Францию, и что теперь?

– А то, что мне очень не нравится вся история с ее отъездом. Вас не волнует, что она не писала оттуда?

Евгений пожал плечами.

– Но она не написала даже родному сыну!

– На вашем месте я бы не стал так беспокоиться только из-за того, что она не пишет... Конечно, если у вас есть более конкретные подозрения...

– Может, и есть, – буркнула Рита, но отчего-то не стала показывать ему две фотографии и последнее письмо.

- Что вы от меня хотите? – наконец-то задал Евгений конкретный вопрос.

- Я хочу, чтобы вы пошли со мной во французское консульство и поинтересовались там, куда выехала десять месяцев назад ваша бывшая жена и где сейчас находится ваш ребенок. Если она вышла замуж, то для того, чтобы как-то оформить там ребенка, требуется масса документов, в том числе и согласие отца. Она не присылала вам никаких документов?

- Нет. – Евгений помолчал. – Думаю, что вы правы, нужно бы прояснить этот вопрос насчет разрешения на поездку и местонахождения Ляльки.

- Я вам позвоню завтра? – обрадовалась Рита.

- Нет, лучше я сам. – Он рассеянно попрощался и зашагал по бульвару, даже не оглянувшись.

Как ни была Рита на него сердита, ее не обманул его рассеянный вид. Определенно он что-то знал, вернее, догадался о чем-то и теперь спешил подтвердить свою догадку.

Рита пожала плечами и тоже отправилась восвояси.

Дома она застала праздничного Сережку. Он так сиял, что Рита спросила прямо с порога:

- Что случилось? Тебя не выгоняют из института?

- Ну уж ты сразу так круто! – укоризненно произнес он. – Все гораздо проще, но удовольствие я получил огромное!

И пока Рита снимала плащ и обувала тапочки, Сережка рассказал, захлебываясь от полноты чувств:

- Ты представляешь, этот мордатый Виктор приперся сегодня днем!

– Наверное, отец его послал деньги передать, – догадалась Рита, – или еще с каким поручением.

– И он как дурак стал двери открывать своим ключом! – ликовал Сережка. – И тупой такой: видит, что не открывается, а он еще сильнее давит. И замка другого не заметил, он в глаза не бросается... Пока ковырялся, приехала милиция по сигналу. Они разбираться не стали, задержали его и увезли. Он, кретин, стал там права качать – дескать, не вор он, а по делу.

– А ведь предупреждала я его, – развеселилась Рита, – отдай, говорю, ключи по-хорошему, так не захотел. Ну, что дальше было?

– Дальше звонят они сюда, а тут никого нету, я только недавно пришел. Они меня и спрашивают: «Вы в списке такой фамилии не давали, так кто такой Елисеев Виктор Агафонович? Могут у него быть ваши ключи?»

– Он еще и Агафонович! – радостно ахнула Рита. – Вот повезло человеку! Ну, а ты-то что?

– Я, натурально, отвечаю, что знать не знаю никакого Виктора Агафоновича и что ты, естественно, тоже. Тогда, говорят, он у нас до утра в камере посидит, а завтра вы уж зайдите для выяснения. Обязательно, говорю, зайдем. Хотел еще Витьке привет передать, но решил не высовываться. И без привета моего он в камере поспит.

– Так ему и надо, – припечатала Рита, – уж больно хамит... Идем ужинать.

Но не успели они уйти в кухню, как раздался требовательный телефонный звонок.

– Послушайте, – надрывался на том конце Сережкин отец, – что у вас происходит?

– Добрый вечер, Роман Александрович! – пропела Рита.

– Здравствуйте! – буркнул он тоном ниже. – Почему моего человека забрали в милицию?

- Понятия не имею! А он вам разве не объяснил?
- Сказал, что вы поменяли замки и поставили сигнализацию.
- А раньше он не говорил вам, что я просила отдать ключи? А вы ему не объяснили, что неприлично приходить в квартиру в отсутствие хозяев?
- Вы это сделали нарочно, - констатировал Роман Александрович.
- Нам с Сергеем не нравится, когда в квартире посторонние подозрительные типы, - отчеканила Рита.
- Что вы хотите, чтобы инцидент был исчерпан?
- Вы еще спросите, сколько я хочу, - разозлилась Рита. - Так у нас разговор не пойдет, лучше простимся сразу и оставьте нас в покое.
- Хорошо-хорошо, извините, что я вчера не пришел на встречу. Кстати, Виктор передал мои извинения?
- Разумеется, нет! Но дело совершенно не в этом!
- Но мы можем как-то прийти к согласию? Не сидеть же ему там всю ночь. - В голосе Романа Александровича появились просительные нотки.
- Мы не против. Возможно, там его отучат хамить обычным людям?
- Я сам с ним разберусь, - решительно пообещал Роман Александрович.
- Верю, - согласилась Рита, - тогда сделаем так. Я позвоню сейчас в милицию и скажу, что произошло недоразумение, а вы отрегулируйте вопрос с компенсацией за ложный вызов. И еще: прекратите передавать деньги с вашим остолопом! Сами съездите в институт, поговорите с деканом, выясните, что можно сделать для Сережи! Возможно, вам понравится заботиться о родном сыне! Я со своей стороны очень на это надеюсь и обещаю вам, что дальнейшие заботы о нем я возьму на себя и прослежу за его учебой.

– Договорились! – оживился Сережкин отец. – А вы очень рассудительная молодая женщина. Мне жаль, что мы не познакомимся поближе, но, может быть, вы дадите мне еще один шанс?

– Может быть, когда-нибудь... – проворковала Рита, а про себя добавила: «Бог подаст!» – и повесила трубку.

Спать легли тетка с племянником отомщенные и умиротворенные.

Евгений открыл дверь своим ключом, но мать, очевидно, увидела его из окна, потому что не успел он войти, как тут же наткнулся на ее вопросительный взгляд.

– Здравствуй, сыночка! Что-то случилось?

– С чего ты взяла, что что-то случилось? – безнадежно начал оправдываться он.

– У тебя встревоженный вид.

Поняв, что разговора не избежать, он решился и посмотрел на нее в упор. Невысокая худенькая немолодая женщина, хрупкая на вид. Маленькая, гладко зачесанная головка. Подчеркнуто скромное платье, но именно платье, никаких халатов она не носит даже рано утром. Когда мать занята на кухне, она надевает передничек, который всегда гармонирует с полотенчиками и прихваточными рукавичками. Таких ансамблей у нее нашито великое множество. Кухня, да и вся квартира блестит чистотой, мать сама себя называет идеальной хозяйкой.

– Скажи, мама, – голос его был тих, но тверд, – каким образом Марина с Лялькой уехали во Францию?

Он был готов к метаморфозе, происшедшей с ее лицом, но все равно невольно поежился. При упоминании имени его бывшей жены глаза у матери сузились, голова стала от этого казаться еще меньше, а шея – тоньше.

– Опять эта женщина, – прошелестела мать голосом, больше похожим на шипение. – Что она хочет на этот раз?

– На этот раз хочет не она, а я. – Евгений повысил голос: – Я хочу знать, зачем ты воспользовалась моим паспортом и оформила Ляльке разрешение на поездку, если я был категорически против.

– С чего ты это взял? – заговорила мать таким фальшивым голосом, что Евгений тотчас уверился в своей правоте.

Но мать уже взяла себя в руки и решила идти ва-банк:

– Да, я это сделала! И не жалела ни минуты, иначе эта женщина никогда не ушла бы из твоей жизни! Ты сам никогда не разрубил бы этот гордиев узел! Она сама хотела уехать и просила меня помочь! И теперь всем хорошо: ей там, во Франции, с новым мужем, а нам здесь, без нее.

– А Лялька... – начал было он, но махнул рукой и отвлекся на другое: – Но как, скажи, ты смогла это сделать? Ведь нотариусы разговаривают только с владельцем паспорта...

– Это мое дело. – Мать сжала губы и посмотрела на сына таким взглядом, что он отшатнулся.

– Но это незаконно!

– Я ненавижу эту женщину и ее ребенка! – закричала мать и пошла на него неотвратно, как морская волна. – Я сделаю все, чтобы ты выбросил их из головы!

– Но ведь это мой ребенок... – пробормотал он, но мать не отреагировала. Он хорошо знал эту ее привычку не слышать того, что она не хотела слышать.

– Я сам пойду в консульство и выясню, где находится мой ребенок! – пригрозил он.

– Ты этого не сделаешь! – вскричала мать. – Иначе ты никогда меня больше не увидишь!

Она оттолкнула его и бросилась бежать в свою комнату, а там рывком выдвинула ящик серванта, где в безукоризненном порядке стояли баночки с бесчисленными кремами и притираниями, а также лежали коробочки с лекарствами. Разбросав лекарства, она дрожащими руками рвала упаковки. Евгений подоспел как раз вовремя, чтобы вырвать лекарства у нее из рук до того, как она успела сунуть их в рот.

– Перестань, мама, ну перестань! – заученно бормотал он. – Ну хорошо, я никуда не пойду. Пускай все останется как есть, только скажи мне честно: от них не было никаких писем? Марина не писала, что ей там плохо, что она хотела бы вернуться, что Ляльке нужна моя помощь?

– О чем ты говоришь? Разумеется, не было.

– Поклянись моим здоровьем!

– Клянусь! – твердо ответила мать, и сын поверил, что она говорит правду.

Далее последовало обычное в таких случаях примирение, в процессе которого мать аккуратно выяснила у сына, с чего, собственно, разгорелся весь сыр-бор. Искусно перемежая свои вопросы ласковыми словами и воспоминаниями о Женечкином детстве, она выяснила, что ее сына отыскала сестра его бывшей жены, очень решительно настроенная молодая женщина и весьма привлекательная к тому же. Она была настолько убедительна, что сумела передать ему свои сомнения по поводу отъезда сестры. Какие-то у нее есть не то чтобы доказательства, но легкие опасения насчет того, что там, во Франции, у сестры с ребенком не все в порядке. Во всяком случае, она не остановится на полпути и не оставит Евгения в покое. С его ли помощью или без нее, но она твердо решила выяснить местонахождение своих родственников и связаться с ними.

Мать попросила принести ей чаю и откинулась на подушки, утомленно прикрыв глаза, а сама напряженно размышляла. Нельзя допустить, чтобы в их жизни снова появилась эта женщина. Но вполне может случиться, что она вернется. Не получилось с тремя предыдущими мужьями, не получится и с четвертым. Этого

не будет никогда!

Все матери за редким исключением любят своих сыновей, но все без исключения свекрови терпеть не могут своих невесток. Умные матери подрастающих сыновей стараются заранее готовить себя к тому, что в один прекрасный вечер сын переступит порог их квартиры, ведя за руку смущенную (нахальную, упирающуюся, жующую резинку, скромно потупившую глазки, топающую каблуками и размахивающую руками, как солдат, безвкусно одетую, разговаривающую неприлично громким голосом, пришепетывающую от волнения и заикающуюся от страха) – в общем, свою любимую девушку и скажет: «Познакомься, мама, это Таня (Оля, Ира, Алена, Кристина)...»

И мать посмотрит в глаза девчонке, и сердце ее забьется неровно – три коротких удара, три длинных и еще три коротких, – и в ударах этих, кроме сигнала SOS, мать услышит, что пришла она – Та Самая, Которая Отберет У Нее Сына.

Умная мать найдет в себе силы смириться и уйдет в сторону, чтобы не потерять сына окончательно. Но голосу разума редко удастся восторжествовать над материнским инстинктом. Потому что как ни уговаривай себя, что не ты первая, не ты последняя, что сына всегда растят не для себя, а для другой женщины и что не будет у сына жены, так и у нее, матери, никогда не будет внуков, но представить, что сокровище, самый умный и самый красивый ребенок в мире, в которого ты вложила всю нежность и любовь, никогда больше не будет принадлежать тебе, – выше человеческих сил.

Со временем эта боль притупляется, особенно если сын с невесткой живут дружно и внуки скрашивают бабушкино существование, можно испытывать к невестке благодарность за внуков и хвалить за рациональное ведение домашнего хозяйства, но ни о какой любви, разумеется, не может быть и речи.

Светлана Федоровна всегда считала себя женщиной очень разумной. Во всяком случае, она никогда не хитрила и не лукавила сама с собой. Она очень любила своего сына, заботилась о его воспитании и образовании. Но никогда, даже в мыслях, она не допускала, что сын может ее покинуть. Он принадлежит только ей, и ни одна женщина, не важно, кто она будет – топ-модель, бизнес-леди, чемпионка мира по прыжкам на батуте или лауреат Нобелевской премии в области математики, – не сможет отобрать у нее сына. Поэтому ни к чему убеждать себя, что именно эта очередная претендентка на Женечкину руку ему не подходит, потому что она вульгарна (не умеет себя вести за столом; говорит

слишком визгливым голосом; много читает, следовательно будет кичиться своей образованностью и наставлять мужа при посторонних; мало читает, следовательно, с ней стыдно будет появиться в приличной интеллектуальной компании; много работает, следовательно, хочет сделать карьеру, а дома разведет ужей по углам и никогда не будет приличного обеда; вообще не работает, следовательно, сядет мужу на шею и уморит его непосильным трудом, и так далее)...

Светлана Федоровна не утруждала себя детальным перечислением недостатков каждой претендентки, она ненавидела их всех оптом, даже не познакомившись. Она сказала себе раз и навсегда, что сделает для своего сына все, принесет любую жертву, но никому его не отдаст.

Ее усилия не пропали даром: до тридцати лет их с сыном жизнь текла гладко и спокойно. Светлана Федоровна без особых трудов нейтрализовала всех его знакомых женщин. Едва познакомившись с ней, они сразу же охладевали к Жене, переставали звонить, а на его просьбы о встрече отговаривались простудой или критическими днями.

Никто не хотел бороться за Женю с такой мамашей, по мнению искушенных в жизни современных молодых женщин, игра не стоила свеч. Наедине с собой Светлана Федоровна признавала их правоту: ее сын был довольно зауряден. Ни красив, ни умен, про таких говорят: ни рыба ни мясо. И денег зарабатывал мало, но какое это имело значение для материнской любви?

Жизнь не обещала никаких неприятных сюрпризов, и Светлана Федоровна немного расслабилась, о чем потом очень пожалела. Но тогда вдруг совершенно случайно подвернулась путевка в санаторий в Алушке. И Светлана Федоровна решила поехать – нужно было поправить пошатнувшееся в борьбе за сына здоровье.

Она вернулась через месяц, посвежевшая и наполненная впечатлениями, тут-то и начались все беды. У сына, несомненно, появилась женщина, это Светлана Федоровна определила еще на вокзале. Глядя в его счастливые глаза поверх букета ярко-красных революционных гвоздик (из всех цветов Светлана Федоровна предпочитала именно этот вид), она прочитала в них прямую, явную угрозу своему материнскому счастью.

Осторожные расспросы ничего не дали, Светлана Федоровна необдуманно усилила напор и получила в ответ полную обиды и недоумения отповедь – сын расценил ее расспросы как посягательство на свою личную жизнь. На предложение привести свою приятельницу в дом и познакомить ее с матерью сын отвечал уклончиво. Голос по телефону был очень приятный, Светлана Федоровна не могла этого не признать. Однако она мобилизовала всю волю и приготвилась к длительной осаде. По крупицам выцеживая из сына информацию, она с ужасом выяснила, что опасная соперница совсем даже не молодая девушка, а женщина тридцати лет, разведенная и с ребенком! Светлана Федоровна впала в тихую панику, и только выработанные за долгие годы воинствующего материнства терпение и настойчивость помогли ей держать себя в руках. Рассудив здраво, что вряд ли ее Женечка может представлять для этой хищницы и искательницы нового мужа какой-то интерес по причине своей малой платежеспособности, Светлана Федоровна подумала, что увлечение это скоро пройдет, потому что хищница не может тратить время на неперспективного кандидата – не в том она возрасте. Но как же она ошибалась!

Крах наступил через полтора месяца. Сын пришел непривычно серьезный и сказал, что женится, потому что через шесть месяцев станет отцом. Да, да, Марина ждет ребенка, его ребенка, мать всегда говорила ему, что дети – это прекрасно, он тоже хочет испытывать отцовские чувства. Свадьба будет очень скоро.

В первый раз в жизни со Светланой Федоровной случилась истерика. Все санаторные процедуры и съеденные в Крыму витамины вышли слезами. Светлана Федоровна падала в обморок, рыдала и билась головой о стену – все было напрасно. Сын твердо решил жениться. И не показывал матери свою беременную невесту, чтобы не расстраивать последнюю – ей, видите ли, нельзя волноваться!

Светлана Федоровна почувствовала, что пора сменить тактику. Она провела сама с собой совет в Филях и решила отступить, как Кутузов перед Наполеоном.

Историки утверждают, что Кутузов не хотел давать сражение у Бородина. Его якобы вынудили другие военачальники и общественное мнение. Светлана Федоровна решила не повторять ошибок великого полководца и молча сдалась на милость победителя, не устраивая бесполезного кровопролития. Ей даже не понадобилось поджигать Москву, то есть собственную квартиру, потому что сын

собрал вещи и ушел жить к жене. Свадебная церемония была очень скромной. Светлана Федоровна не смогла как следует разглядеть невестку из-за ее огромного живота и собственных злых слез.

Сын считал, что одержал над матерью полную победу, и с облегчением перевел дух. Родилась малышка. Сын много работал, но находил время навестить мать – он все же был к ней очень привязан. А Светлана Федоровна затаилась, как кобра перед прыжком, и терпеливо ждала. Она не сомневалась в успехе, потому что без труда распознала в невестке пустую и вздорную бабенку. Невестка искренне считала, что удержать любовь мужа можно только внешностью и сексом. Просто даже какая-то непростительная глупость для женщины, вышедшей замуж в третий раз! Светлана Федоровна не уверена насчет других мужчин, но твердо знает, что ее Женечку можно удержать только неустанной заботой.

Светлана Федоровна начала осторожно отвоевывать сданные позиции. Она обволокла сына своими заботами, как паук опутывает легкомысленную муху клейкой паутиной. Сын доверчиво шел в расставленные силки. Когда он в первый раз остался ночевать дома в своей холостяцкой комнате, Светлана Федоровна чуть не поздравила себя с победой, но сдержалась. Ей нужно было избавиться от невестки навсегда, вытравить из памяти сына само воспоминание о ней.

Все складывалось отлично. Сын все чаще ночевал дома и все реже уходил к жене. Порой Светлана Федоровна думала, что если бы вместо нынешней невестки была другая женщина – умная, добрая, хорошая хозяйка, – ее усилия не увенчались бы успехом. Но такая женщина вряд ли обратит когда-нибудь внимание на ее сына, справедливо возражала себе Светлана Федоровна. Стало быть, все к лучшему...

Каждый год сыновнего брака Светлана Федоровна защищала себе за три, как военнослужащим на Крайнем Севере. Она очень похудела и постарела, нервы расшатались, а от этого пошли многие болезни. Но все же она упорно шла к своей цели и достигла ее! Невестка исчезла с горизонта. И сын вспоминает ее с ненавистью, а скоро и совсем забудет. И вот появляется какая-то девица и начинает тревожить его память расспросами!

Светлана Федоровна послала сына за какой-то мелочью в аптеку, а сама порылась в своих записях и нашла номер телефона того нотариуса, к которому привела ее Марина в свое время перед отъездом, чтобы получить разрешение на поездку ребенка. Это был первый и единственный раз, когда свекровь и невестка действовали сообща в полном согласии. Разумеется, вся история с отъездом за границу сразу же показалась Светлане Федоровне весьма сомнительной. Ее взбалмошная и глупая невестка, несомненно, впуталась в очередную авантюру. Но так сильно было желание навсегда распрощаться с ненавистной женой сына, что Светлана Федоровна сделала все, чтобы ускорить ее отъезд. О том, что она может больше никогда не увидеть свою единственную внучку, Светлана Федоровна старалась не думать. Откровенно говоря, в ее сердце не было места для еще одной любви, его заполнила всепоглощающая, требовательная, неистовая любовь к сыну.

Набрав номер, она дождалась, когда на том конце ответили, и тихим голосом наговорила в трубку все сведения, которые успела выудить у сына по поводу решительной молодой женщины. Светлану Федоровну выслушали не перебивая и поблагодарили, когда она выразила пожелание, чтобы эти сведения могли кому-нибудь пригодиться.

– Тушите пожар, – на прощание сказала она, – с моей стороны все будет в порядке. – И повесила трубку.

Рита встала рано, переделала домашние дела и стала ждать звонка от Евгения. Когда по радио пропикало двенадцать часов, она рассердилась. В консульство они сегодня не попадут – туда нужно идти с утра. Какой необязательный человек, ведь обещал же! Она набрала его рабочий номер телефона. Там ответили, что Евгений Витальевич сегодня на работу не вышел, а по какой причине, они не знают – он еще не звонил. По домашнему номеру трубку никто не снимал. Рита вздохнула и уселась на кухне делать маникюр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/logovo-skorpiona>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)